

L É O N T O L S T O Ï

O E U V R E S C O M P L È T E S

SOUS LA RÉDACTION GÉNÉRALE
de V. TCHERTKOFF

AVEC LA COLLABORATION DU COMITÉ DE RÉDACTION:
K. CHOKHOR-TROTSKY, N. GOUDZY, N. GOUSSEFF, A. GROUSINSKY,
N. PIKSANOFF, N. BODIONOFF, P. SAKOULINE, V. SRESNEVSKY,
A. TÔLSTAÏA et M. TSIADVLOVSKY

SANCTIONNÉ PAR LA COMMISSION DE RÉDACTION D'ÉTAT:
V. BONTCH-BROULÉVITCH, J. LOUPPOL et M. SAVELIEFF

PREMIÈRE SÉRIE
O E U V R E S

1908
TOME 1

É D I T I O N D'É T A T
M O S C O U 1936

Л. Н. Т О Л С Т О Й

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

В. Г. ЧЕРТКОВА

ПРИ УЧАСТИИ РЕДАКТОРСКОГО КОМИТЕТА В СОСТАВЕ:

А. Е. ГРУЗИНСКОГО, Н. К. ГУДЗИЯ, Н. Н. ГУСЕВА, Н. К. ПИКСАНОВА,
Н. С. РОДИОНОВА, П. Н. САКУЛИНА, В. М. СРЕЗНЕВСКОГО,
А. Л. ТОЛСТОЙ, М. А. ЦЯВЛОВСКОГО и К. С. ШОХОР-ТРОЦКОГО

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ

В СОСТАВЕ В. Д. ВОЙЧ-БРУЕВИЧА, И. К. ЛУППОЛА

и М. А. САВЕЛЬЕВА

СЕРИЯ ПЕРВАЯ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ТОМ

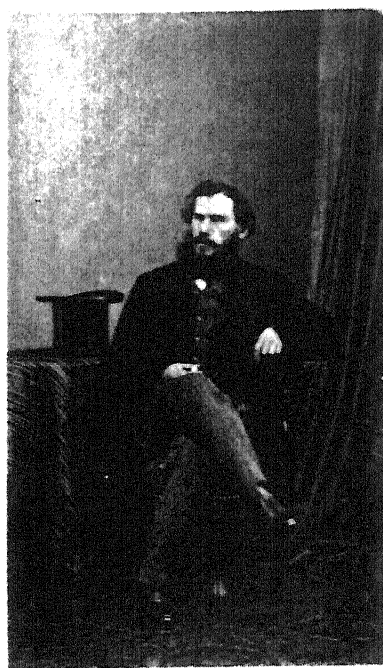
8

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»,
МОСКВА 1936

Перепечатка разрешается безвозмездно

Reproduction libre pour tous les pays

Л. Н. ТОЛСТОЙ

1860 г.

С фотографии J. Géruzet Bruxelles

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СТАТЬИ
1860 — 1863

РЕДАКТОРЫ:

Н. М. МЕНДЕЛЬСОН

В. Ф. САВОДНИК

ПРОГРЕСС И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ.

(*Ответ Г-ну Маркову. Русский Вестник 1862 г., № 5.*)

Главные пункты разногласия г. Маркова с нашим взглядом на образование формулированы следующим образом: «1. Мы признаем *право* одного поколения вмешиваться в воспитание другого. 2. Мы признаем *право* высших классов вмешиваться в народное образование. 3. Мы не согласны с яснополянским определением образования. 4. Думаем, что школы не могут и не должны быть изъяты из-под исторических условий. 5. Думаем, что современные школы гораздо ближе отвечают современным потребностям, чем средневековые. 6. Считаем наше воспитание не вредным, а полезным. 7. Думаем, что полная свобода воспитания, как ее понимает граф Толстой, вредна и невозможна. 8. Думаем, наконец, что устройство яснополянской школы противоречит убеждениям редактора *Ясной Поляны*».

(Рус. Вест. 1862 г., № 5, стр. 186.)

Прежде, чем отвечать на каждый из этих пунктов, мы попытаемся отыскать основную причину разногласия нашего взгляда с взглядом г. Маркова, возбуждившим общее сочувствие, как педагогической, так и непедагогической публики.

Причина эта заключается в недосказанности нашего взгляда, которую мы постараемся пополнить, и в неточности и ограниченности понимания со стороны г. Маркова и вообще публики наших положений, которые мы и постараемся разъяснить. Очевидно, что разногласие происходит от различия понимания и, вследствие того, определения самого образования. Г. Марков говорит: мы не согласны с яснополянским опреде-

лением образования. Но г. Марков не опровергает наше определение, а делает свое определение. Главный вопрос состоит в том: наше или г. Маркова определение образования справедливо? Мы сказали: *образование, в самом общем смысле, охватывающее и воспитание, есть, по нашему убеждению, та деятельность человека, которая имеет основанием потребность к равенству и неизменный закон движения вперед образования*, и сознаемся в том, что слова эти, на которые г. Марков просит читателя обратить особое внимание, для большинства публики и г. Маркова требовали объяснения. Но прежде чем дать эти объяснения, мы считаем необходимым сделать отступление о том, почему г. Марков и вообще публика не захотели понять этого определения и не обратили на него никакого внимания.

Со времен Гегеля и знаменитого афоризма «что исторично, то разумно», в литературных и изустных спорах, в особенности у нас, царствует один весьма странный умственный фокус, называющийся историческое воззрение. Вы говорите, например, что человек имеет право быть свободным, судиться на основании только тех законов, которые он сам признает справедливыми, а историческое воззрение отвечает, что история вырабатывает известный исторический момент, обуславливающий известное историческое законодательство и историческое отношение к нему народа. Вы говорите, что вы верите в Бога, — историческое воззрение отвечает, что история вырабатывает известные религиозные воззрения и отношения к ним человечества. Вы говорите, что Илиада есть величайшее эпическое произведение, — историческое воззрение отвечает, что Илиада есть только выражение исторического сознания народа в известный исторический момент. На этом основании историческое воззрение не только не спорит с вами о том, необходима ли свобода для человека; о том, есть или нет Бога, о том, хороша или не хороша Илиада, не только ничего не делает для достижения той свободы, которой вы желаете, для убеждения или разубеждения вас в существовании Бога, или в красоте Илиады, а только указывает вам то место, которое ваша внутренняя потребность, любовь к правде или красоте, занимает в истории; оно только сознает, но не создает не путем непосредственного сознания, а путем исторических умозаключений. Скажите, что вы любите или верите во что-нибудь, — историческое

воззрение говорит: любите и верьте, и ваша любовь и вера найдут себе место в нашем историческом воззрении. Пройдут века и мы найдем то место, которое вы будете занимать в истории; но вперед знайте, что то, что вы любите, — не безусловно прекрасно, и то, во что вы верите, — не безусловно справедливо; но забавляйтесь, дети — ваша любовь и вера найдут себе место и приложение. К какому хотите понятию стоит только приложить слово: историческое, — и понятие это теряет свое жизненное, действительное значение и получает только искусственное и неплодотворное значение, в каком-то искусственно составленном историческом миросозерцании.

Г. Марков говорит: «Общая цель есть результат всей жизни, окончательный вывод из действия разнородных сил. Его можно видеть только при окончании, и в нем пока нет нужды. Стало-быть и педагогия в праве не иметь конечной цели, в праве стремиться к своим временным и местным целям, по преимуществу имеющим значение для жизни». (Р. В. № 5, стр. 153.) Искать критериум педагогики, по его мнению, бесполезно. Достаточно знать, что мы находимся в исторических условиях, — и всё хорошо.

Г. Марков вполне усвоил себе историческое воззрение; он, как и большинство русских мыслящих людей нашего времени, обладает искусством присоединять понятие исторического ко всякому явлению жизни, умеет наговорить много ученого и остроумного; в историческом смысле, на каждый случай, вполне владеет историческим каламбуром. В первой статье «Ясной поляны» сказано было, что образование имеет своим основанием потребность к равенству и закон движения вперед образования. Хотя высказанное и без доказательств, это положение объясняло причину явления. Можно было не согласиться и требовать доказательств; но только историческое воззрение может не чувствовать необходимости изыскания причин такого явления, каково образование. Г. Марков говорит: «Желательно, чтобы читатель с особенным вниманием остановился на этих словах. Мне они просто кажутся бесплодною натяжкой, затемняющею смысл всем понятных вещей. Зачем тут потребность равенства, инстинкт; зачем особенно этот фатум, неведомый закон движения, не позволяющий одного, повелевающий делать другое? Кто его признал, или доказал? Если опровергнуть, как делает граф Толстой, воспитательное

влияние взрослого поколения на молодое, то в чем надобно видеть этот чудный закон? Мать любит ребенка, хочет удовлетворить его нуждам, и сознательно, без всякой мистической потребности, чувствует надобность приноровиться к его зачаточному рассудку, говорить с ним простейшим языком. Она не только не стремится к равенству с своим ребенком, что было бы в высшей степени противоестественно, а напротив, намеренно старается передать ему весь запас своего знания. В этой-то естественной передаче умственных приобретений от одного поколения другому и состоит движение образования, не нуждающееся ни в каких новых специальных законах. Каждый век кидает в общую кучу свою горсть, и чем дальше мы живем, тем выше поднимается эта куча, тем выше и мы с ней поднимаемся. Это известно до избитости, и я не вижу никакого оправдания в стремлениях потрясти такую, логически и исторически очевидную, истину.

Вот лучший образец исторического воззрения. Вы ищете объяснения знаменательнейшему явлению жизни, вы полагаете, что нашли общий закон, служащий основанием явления, вы полагаете, что нашли идеал, к которому стремится человечество, и критериум его деятельности, — вам отвечают, что есть куча, которая растет с каждым веком, и что это известно до избитости. Хорошо ли, что она растет? зачем она растет? — на эти вопросы вам не отвечают и удивляются еще, что вы хлопочете о разрешении таких вопросов.

В другом месте, перефразируя наши слова, г. Марков говорит: «Каждое поколение мешает развиваться новому; чем дальше, тем больше противодействий, тем хуже. Станный, подумаешь, прогресс! Еслибы, не доверяя истории, мы были обязаны верить яснополянской теории, пришлось бы, пожалуй, поверить, что мир всё хилел да хилел от тысячелетних противодействий, и что смерть его теперь не за горами, а за плечами». (Стр. 152, *ibid.*)

«Хорош прогресс!» Нет, очень дурен, — я только про это и говорил. Я не держусь религии прогресса, а кроме веры, ничто не доказывает необходимости прогресса. «Неужели мир всё хилел да хилел?» Я только это и старался доказывать, с тою только разницею, что хилеет не всё человечество, а та часть его, которая подлежит деятельности того образования, которое защищает г. Марков.

Но вот где является в полном блеске историческое воззрение г. Маркова.

«Ясную Поляну смущает то обстоятельство, что в различные времена люди учат различному и различно. Схоластики одному, Лютер другому, Руссо по-своему, Песталоцци опять по-своему. Она видит в этом невозможность установить критериум педагогики, и на этом основании отвергает педагогику. А мне кажется, она сама указала на этот необходимый критериум, приводя упомянутые примеры. Критериум в том, чтоб учить соображаясь с потребностями времени. Он прост и в совершенном согласии с историей и логикой. Лютер оттого только и мог быть учителем целого столетия, что сам был созданием своего века, думал его мыслию и действовал по его вкусу. Иначе его огромное влияние было бы или невозможно, или сверхъестественно; не походи он на своих современников, он бы исчез бесплодно, как непонятное, никому не нужное явление, пришлец среди народа, которого даже языка он не понимает. Тоже и с Руссо и всяким другим. Руссо формулировал в своих теориях накипевшую ненависть своего века к формализму и искусственности, его жажду простых, сердечных отношений. Это была неизбежная реакция против версальского склада жизни; и если бы только один Руссо чувствовал ее, — не явился бы век романтизма, не явились бы универсальные замыслы переродить человечество, декларации прав, Карлы Мору, и всё подобное. Упрекать Лютера и Руссо за то, что они, вооружась против исторических уз, навязывали людям свои теории, значит упрекать целый век в незаконности его настроения. Целому веку теорий не навязешь».

«Но от его теории вряд ли за то отделаешься. Мне непонятно, чего бы хотел граф Толстой от педагогики. Он всё о крайней цели, о незыблемом критериуме хлопочет. Нет этих, так, по его мнению, не нужно никаких. Отчего же не вспомнит он о жизни отдельного человека, о своей собственной? Ведь он, конечно, не знает крайней цели своего существования, не знает общего философского критериума для деятельности всех периодов своей жизни. А ведь живет же он и действует; и оттого только живет и действует, что в детстве имел одну цель и один критериум, в молодости другие, теперь опять новые, и так далее. Был он верно и шалуном-мальчиком, — у тех известно какой критериум, — и религиозным юношей, и

либералом — поэтом, и практическим деятелем жизни; ~~каждое~~ такое естественное настроение духа заставляло его иначе глядеть на мир, иного ждать и иным руководствоваться. В этих постоянных сменах взглядов и состоит богатство развития человечества, его философская и житейская опытность. В чем граф Толстой видит упрек человечеству и педагогии, их противоречие самим себе, в том я вижу необходимость, естественность и даже достоинство». (Стр. 159—160, *ibid.*)

Как много, кажется, сказано, как умно, как много сведений, какой спокойно-исторический взгляд на всё! Сам стоишь на каком-то воображаемом возвышении, а под тобою действуют и Руссо, и Шиллеры, и Лютер, и французские революции; с исторической высоты одобряешь, или не одобряешь их исторические поступки и раскладываешь по историческим рамкам. Мало того, и каждая личность человеческая тоже там где-то копошится, подчиненная неизменным историческим законам, которые мы знаем, но конечной цели ни у кого нет и быть не может, — есть одно историческое воззрение! Но ведь мы совсем не о том спрашиваем, мы пытаемся найти тот общий умственный закон, которым руководилась деятельность человека в образовании, и который поэтому мог бы служить критерием правильности человеческой деятельности в образовании. Историческое же воззрение на все наши попытки отвечает только тем, что Руссо и Лютер были произведениями своего времени. Мы ищем то вечное начало, которое выразилось в них, а нам говорят о той форме, в которой оно выразилось, и распределяют их по классам и отрядам. Нам говорят, *что критерием только в том, чтоб учить сообразно потребностям времени*, и говорят, что это очень просто. Учить сообразно догматам Христианской или Магометанской религии — я понимаю, но учить сообразно потребностям времени — я решительно не понимаю ни одного слова из этой фразы. Какие это потребности? Кто их определит? Где они выразятся? Очень может быть забавно рассуждать вкрявь и вкось о тех исторических условиях, которые заставили Руссо выразиться именно в той форме, в какой он выразился, но найти те исторические условия, в которые имеет выразиться будущий Руссо, не возможно. Мне понятно почему Руссо с озлоблением писал против искусственности жизни, но решительно не понятно, почему явился Руссо и почему он открыл великие истины. Мне дела нет до

Руссо и его обстановки, меня занимают только те мысли, которые он высказал, и поверять и понять его мысль я могу только мыслью, а не рассуждениями о его месте в истории.

Выразить и определить этот критерий в педагогике было моей задачей. Историческое же воззрение, не идя за мною по этому пути, отвечает, что и Руссо и Лютер были на своем месте (как будто они могли быть не на своем месте), и что бывают различные школы (как будто мы этого не знаем), и что каждая приносит зерно в эту таинственную историческую кучу. Историческое воззрение может породить много занимательных разговоров, когда делать нечего, объяснить то, что всем известно; но сказать слово, на котором бы могла строиться действительность, — оно не в состоянии. Ежели оно и проговорится, то скажет только фразу, в роде того, что надо учить сообразно с потребностями времени. Скажите же нам — какие эти потребности в Сызрани, в Женеве, на Сыр-Дарье? Где можно найти выражение этих потребностей и *потребности времени* — какого времени? Ужь ежели речь пошла об историческом, то в настоящем есть только момент исторический. Один принимает требования 25 годов за требования настоящего; другой знает требования августа 1862 года, третий считает настоящими требованиями требования средневековые. Повторяю, ежели умышленно написана фраза: *учить сообразно с требованиями времени*, для нас ни в одном слове не имеющая смысла, мы просим — укажите нам эти требования; мы от всей души, искренно говорим, что мы желали бы знать эти требования и не знаем их.

Мы могли бы привести еще много образцов исторического воззрения г. Маркова ссылками на Trivium и Quadrivium Кассиодора, и Фомы Аквинского, и Шекспира, и Гамлета, и тому подобными интересными и приятными разговорами. Но все эти места также не отвечают на наши запросы, и потому мы ограничимся разъяснением причин несостоятельности исторического взгляда относительно философских вопросов.

Причина эта заключается в следующем: люди с историческим воззрением предположили, что отвлеченная мысль, которую они любят в ругательном смысле называть метафизикой, бесплодна как скоро она противоположна историческим условиям, т. е. говоря проще, царствующим убеждениям; что мысль эта даже бесполезна, так как открыт общий закон,

по которому человечество движется вперед и без участия мысли, противоположной царствующим убеждениям. Мнимый этот закон человечества называется *прогресс*. Вся причина не только разногласия нашего с г. Марковым, но и совершенного пренебрежения к нашим доводам и неответанию на них, заключается в том, что г. Марков верит в прогресс, а я не имею этого верования.

Что же это такое понятие прогресса и вера в него?

Основная мысль прогресса и выражение его будет следующее: «человечество постоянно видоизменяется, переживает прошедшее, удерживая от него начатые труды и воспоминания». В переносном смысле это видоизменение человеческих отношений мы называем движением, и видоизменение прошедшего мы называем *назад*, будущее видоизменение называем *вперед*. Вообще, в переносном смысле, говорим, что человечество движется вперед. Хотя и выраженное не ясно, в переносном смысле, это положение несомненно. Но за этим несомненным положением, верующие в прогресс и историческое развитие делают другое недоказанное положение, что будто человечество в прежние время пользовалось меньшим благосостоянием, и чем далее назад, тем менее, и чем более вперед, тем более. Из этого выводят, что для плодотворной деятельности необходимо действовать только сообразно с историческими условиями; и что, по закону прогресса, всякое историческое действие поведет к увеличению общего благосостояния, т. е. будет хорошо, что все попытки остановить или противоречить даже движению истории — бесполезны. Вывод этот незаконен потому, что 2-е положение о постоянном улучшении человечества на пути прогресса ничем не доказано и несправедливо.

Во всем человечестве, с незапамятных времен, происходит процесс прогресса, говорит историк, верующий в прогресс, и доказывает это положение, сравнивая, положим, Англию 1685 г. с Англиею нашего времени. Но ежели бы даже и можно было доказать, сравнивая Россию, Францию и Италию нашего времени с древним Римом, Грециею, Карфагеном и т. д., что благосостояние новых народов более благосостояния древних, — меня при этом всегда поражает одно непонятное явление: выводят общий закон для всего человечества из сравнения одной малой части человечества, Европы, в прошедшем и настоящем. Прогресс есть общий закон для человечества, говорят они,

только кроме Азии, Африки, Америки, Австралии, кроме миллиарда людей. Нами замечен закон прогресса в герцогстве Гогенцоллерн-Сигмарингенском, имеющем 3 тысячи жителей. Нам известен Китай, имеющий 200 миллионов жителей, опровергающий всю нашу теорию прогресса, и мы ни минуты не сомневаемся, что прогресс есть общий закон всего человечества, и что мы, верующие в прогресс, правы, а не верующие в него виноваты, и с пушками, и ружьями идем внушать Китаю идею прогресса. Здравый же смысл говорит мне, что ежели большая часть человечества, весь так называемый восток, не подтверждает закона прогресса, а напротив опровергает его, то закона этого не существует для всего человечества, и существует только верование в него известной части человечества. Я, как и все люди, свободные от суеверия прогресса, вижу только, что человечество живет, что воспоминания прошедшего так же увеличиваются, как и исчезают; что труды прошедшего часто служат основой для новых трудов настоящего, часто служат преградой для них; что благосостояние людей то увеличивается в одном месте, в одном слое и в одном смысле, то уменьшается; что как бы мне ни желательно было, я не могу найти никакого общего закона в жизни человечества; а что подвести историю под идею прогресса точно так же легко, как подвести ее под идею регресса, или под какую хотите историческую фантазию. Скажу более: я не вижу никакой необходимости отыскивать общие законы в истории, не говоря уже о невозможности этого. Общий вечный закон написан в душе каждого человека. Закон прогресса, или совершенствования, написан в душе каждого человека и, только вследствие заблуждения, переносится в историю. Оставаясь личным, этот закон плодотворен и доступен каждому; перенесенный в историю, он делается праздною, пустой болтовней, ведущей к оправданию каждой бессмыслицы и фатализма. Прогресс вообще, во всем человечестве, есть факт недоказанный и несуществующий для всех восточных народов, и потому сказать, что прогресс есть закон человечества, столь же неосновательно, что сказать, что все люди бывают белокурые за исключением черноволосых.

Но, может быть, мы всё еще не так определили прогресс, как его понимают многие. Мы пытаемся дать ему самое общее и разумное определение. Может быть, прогресс есть закон,

открытый только европейскими народами, но столь разумный, что ему должно подлежать всё человечество. В этом смысле прогресс есть путь, по которому идет известная часть человечества и который признает эта часть человечества ведущим ее к благосостоянию. В таком смысле понимает Бокль прогресс цивилизации европейских народов, включая в это общее понятие прогресса — прогресс социальный, экономический, наук, искусств, ремесл и в особенности изобретения пороха, книгопечатания и путей сообщения. Такое определение прогресса ясно и понятно; но невольно представляются вопросы: 1-й, — кто решил, что этот прогресс уведет к благосостоянию? Для того чтобы поверить этому, мне нужно, чтобы не исключительные лица, принадлежащие к исключительному классу: историки, мыслители и журналисты — признали это, но чтобы вся масса народа, подлежащая действию прогресса, признала, что прогресс ведет ее к благосостоянию. Мы же видим постоянно противоречащее этому явление. 2-й вопрос состоит в следующем: что признать благосостоянием: улучшение ли путей сообщения, распространение книгопечатания, освещение улиц газом, распложение домов призрения бедных, бордели и т. п., или первобытное богатство природы — леса, дичь, рыбу, сильное физическое развитие, чистоту нравов и т. п.? Человечество живет одновременно столь многообразными сторонами своего бытия, что определить степень его благосостояния в известную эпоху и определить ее человеку — невозможно. Один человек видит только прогресс искусства, другой прогресс добродетели, третий прогресс материальных удобств, четвертый прогресс физической силы, пятый прогресс социального устройства, шестой прогресс науки, седьмой прогресс любви, равенства и свободы, осьмой прогресс газового освещения и машинного шитья. И человек, который бесстрастно будет относиться ко всем сторонам жизни человечества, всегда найдет, что прогресс одной стороны всегда выкупается регрессом другой стороны человеческой жизни. Самые добросовестные политические деятели, веровавшие в прогресс равенства и свободы, разве не убедились и не убеждаются каждый день, что в древней Греции и Риме было более свободы и равенства, чем в новой Англии с китайской и индийской войнами, в новой Франции с двумя Бонапартами и в самой новой Америке с ожесточенной войной за право рабства? Самые добросовестные,

верующие в прогресс искусства, разве не убедились, что нет в наше время Фидиасов, Рафаэлей и Гомеров? Самые проторые экономические прогрессисты разве не убедились, что необходимо запрещать рабочему народу рожать детей, для того чтобы можно было прокормить существующее население? И так, отвечая на два поставленные мною вопроса, я говорю, что, во 1-х, признать прогресс, ведущим к благосостоянию, можно только тогда, когда весь народ, подлежащий действию прогресса, будет признавать это действие хорошим и полезным, тогда как теперь в $\frac{9}{10}$ населения, в так называемом простом, в рабочем народе, мы постоянно видим противное; и во 2-х тогда, когда будет доказано, что прогресс ведет к совершенствованию всех сторон человеческой жизни, или, что взятые вместе последствия его влияния, преобладают добрыми и полезными над дурными и вредными. Народ, т. е. масса народа, $\frac{9}{10}$ всех людей, постоянно враждебно относятся к прогрессу и постоянно не только не признают его пользы, но положительно и сознательно признают его вред для них. Выводам же историков, подобных Маколею (того самого, которого, в доказательство силы английского воспитания, приводит г. Марков), полагающих, что они взвесили все стороны человеческой жизни и, на основании этого взвешивания, решили, что прогресс принес больше добра, чем зла, мы не можем верить, потому что выводы эти ни на чем не основаны. Выводы эти, для всякого добросовестного и бесстрастного судьи, несмотря на противоположную цель писателя, очевидно доказывают, что прогресс принес больше зла, чем пользы народу; народу, т. е. большей части людей, не говоря о государстве. Я прошу серьезного читателя прочесть всю 3-ю главу 1-й части истории Маколея. Вывод сделан смело и решительно, но на чем он основан — решительно не понятно для здорового человека, не отуманенного верой в прогресс. Значительные факты только следующие: 1) Народонаселение увеличилось, — увеличилось так, что необходима теория Мальтуса. 2) Войска не было, — теперь оно стало огромно; с флотом то же самое. 3) Число мелких землевладельцев уменьшилось. 4) Города стянули к себе большую часть народонаселения. 5) Земля обнажилась от лесов. 6) Заработная плата стала на половину больше, цены же на всё увеличились и удобств к жизни стало меньше. 7) Подать на бедных удесятилась. Газет стало больше, освещение

улиц, лучше, детей и жен меньше бьют и английские дамы стали писать без орфографических ошибок. Я прошу читателя прочесть эту 3-ю главу с добросовестным вниманием и вспомнить те простые факты, что раз увеличенное войско никогда уже не может быть уменьшено: что раз уничтоженные вековые леса никогда уже не могут быть возобновлены; что раз развращенное население удобствами комфорта, никогда уже не может быть возвращено к первобытной простоте и умеренности. Я прошу читателя, не имеющего веры в прогресс, или отрешившегося на время от этой веры, прочесть всё, что сказано в доказательство благодати прогресса, и спросить себя, но отрешившись совершенно от веры; есть ли доказательства на то, что прогресс принес больше пользы, чем вреда людям? Непредубежденному человеку нельзя доказать это; для предубежденного же человека можно всякий парадокс, как и парадокс прогресса, одеть историческими фактами.

Что за странное и непонятное явление! Общего закона движения вперед человечества — нет, как то нам доказывают неподвижные восточные народы. Доказать, что европейские народы постоянно движутся к улучшению благосостояния — невозможно, и никто никогда еще не доказал этого; и наконец самое замечательное — $\frac{9}{10}$ того же самого европейского народа, будто бы находящегося в процессе прогресса, сознательно ненавидят прогресс и всеми средствами стараются противодействовать ему, а мы признаем прогресс цивилизации несомненным благом. Как ни непонятно кажется это явление, но оно разъяснится для нас, ежели мы без предубеждения рассмотрим его.

Только одна небольшая часть общества верит в прогресс, проповедует его и старается доказать его благодать. Другая, большая часть общества, противодействует прогрессу и не верит в благодать его. Из этого я заключаю, что для малой части общества прогресс есть благо; для большей же части он есть зло. Я заключаю так потому, что все люди сознательно или бессознательно стремятся к благу, или удаляются от зла. Сделавши этот вывод, я поверяю его, подводя под него факты. Кто та малая часть, верующая в прогресс? Это, так называемое образованное общество, незанятые классы по выражению Бокля. Кто та большая часть, не верующая в прогресс? Это так называемый народ, занятые классы. Интересы общества

и народа всегда бывают противоположны. Чем выгоднее одному, тем невыгоднее другому. В деле прогресса мое положение подтверждается, и я заключаю, что прогресс тем выгоднее для общества, чем невыгоднее для народа. В подтверждение моей мысли невольно приходит сравнение верующих в прогресс с верующими католиками. Духовенство веровало искренно и в особенности искренно потому, что вера эта ему была выгодна; по тому же самому оно всеми средствами внушало эту веру народу, который меньше верил в нее, потому что она была невыгодна. То же самое происходит с верующими в прогресс.

Верующие в прогресс искренно веруют потому, что вера их выгодна для них, и потому-то с озлоблением и ожесточением проповедают свою веру. Я невольно вспоминаю Китайскую войну, в которой три великие державы совершенно искренно и наивно вводили веру прогресса в Китай посредством пороха и ядер.

Но не ошибаюсь ли я? Посмотрим, в чем может быть выгода общества и невыгода народа в прогрессе. Здесь, говоря о фактах, я чувствую необходимость оставить в покое Европу и говорить о России, которая мне близко известна. Кто у нас верующий, кто у нас неверующий? Верующие в прогресс суть: Правительство, образованное дворянство, образованное купечество и чиновничество — классы не занятые, по выражению Бокля. Неверующие в прогресс и враги его: мастеровые, фабричные, крестьяне-земледельцы и промышленники, люди занятые прямой физической работой — классы занятые. Вдумываясь в это различие, находим, что чем больше работает человек, тем более он консерватор, чем менее работает, тем более он прогрессист. Нет более прогрессистов, как откупщики, писатели, дворяне, студенты, без мест чиновники и фабричные. Нет менее прогрессистов — мужика земледельца, чиновника — писца на месте, фабричного, имеющего работу.

Рассмотрим самые обыкновенные и прославленные явления прогресса в отношении их выгоды и невыгоды для общества и народа — именно, столь прославленные: книгопечатание, пар, электричество.

«Человек овладевает силами природы, мысль с быстротою молнии перелетает с одного края вселенной на другой. Время побеждено». Всё это прекрасно, чувствительно; но посмотрим для кого это выгодно? Мы говорим о прогрессе электрических

телеграфов. Очевидно, что выгода и приложение телеграфа только для высшего, так называемого образованного класса. Народ же, $\frac{9}{10}$, только слышит гудение проволок и только стеснен несправедливо строгим законом о повреждении телеграфов.

Все мысли, пролетающие над народом по этим проволокам, суть только мысли о том — как бы наимудобнейшим образом эксплуатировать народ. По проволокам пролетает мысль о том, как возвысилось требование на такой-то предмет торговли и как потому нужно возвысить цену на этот предмет; или мысль о том, что так как вооружение Франции увеличилось, то призвать как можно скорее к службе еще столько-то граждан; или мысль о том, что народ становится недоволен своим положением в таком-то месте и что необходимо послать для умирения его столько-то солдат; или мысль о том, что я, русская помещица, проживающая во Флоренции, слава Богу укрепились нервами, обнимаю моего обожаемого супруга и прошу прислать мне в наискорейшем времени 40 т. франков. Не делая подробной статистики телеграфических депеш, можно быть твердо уверенным, что все депеши принадлежат только тем родам корреспонденции, образцы которых я выставил здесь. Яснополянский мужик Тульской губернии, или какой бы то ни было русской мужик (не надо забывать, что эти мужики составляют всю массу народа, благосостояние которого думает делать прогресс), никогда не послал и не получил и долго еще не пошлет и не получит ни одной депеши. Все депеши, которые пролетают над его головой, не могут ни на одну песчинку прибавить его благосостояния, потому что всё, что ему нужно, он имеет из своего поля, из своего леса, и он одинаково равнодушен к дешевизне или дороговизне сахара, или хлопчатой бумаги, и к низвержению короля Оттона, и к речи, произнесенной Пальмерстоном и Наполеоном III, и к чувствам барыни, пишущей из Флоренции. Все эти мысли, с быстротою молнии облетающие вселенную, не увеличивают производительность его пашни, не ослабляют караул в помещичьих и казенных лесах, не прибавляют силы в работах ему и его семейству, не дают ему лишнего работника. Все эти великие мысли только могут нарушить его благосостояние, а не упрочить или улучшить, и могут только в отрицательном смысле быть занимательными для него. Для правоверных же прогресса

телеграфические нити принесли и приносят огромные выгоды. Я не спорю о выгодах, я стараюсь только доказать, что не надобно думать и убеждать других, что то, что выгодно для меня, есть величайшее благо и для всего мира. Надобно, во 1-х, доказать это, или по крайней мере подождать, чтобы все люди признали благом то, что для нас выгодно. В так называемом же порабощении пространства и времени посредством электричества, мы этого никак не видим. Мы видим, напротив, что поборники прогресса в этом отношении рассуждают совершенно так же, как старые помещики, уверяющие, что для крестьян, для государства и для всего человечества нет ничего выгоднее крепостного права и барщинной работы; разница только в том, что вера помещиков старая — разоблаченная, а вера прогрессистов еще свежая и царствующая.

Книгопечатание другая любимая, избитая тема прогрессистов. Распространение его и вследствие того грамотности, всегда безусловно считается несомненным благом для всего народа. Почему это так? Книгопечатание, грамотность и то, что мы называем образованием, суть коренные суеверия религии прогресса и потому, в этом деле, я прошу читателя в особенности искренно отречься от всякой веры и совершенно искренно спросить себя: почему это так и почему то образование, которое мы, меньшинство, для себя считаем благом, и вследствие того то книгопечатание и ту грамотность, которую бы мы желали распространить, — почему это книгопечатание, эта грамотность и это образование будут благом для большинства, для народа? Мы говорили уже в некоторых статьях «Ясной поляны» о том, почему то образование, которым мы владеем, по сущности своей не может быть благом для народа. Мы будем говорить теперь исключительно о книгопечатании. Для меня очевидно, что расположение журналов и книг, безостановочный и громадный прогресс книгопечатания, был выгоден для писателей, редакторов, издателей, корректоров и наборщиков. Огромные суммы народа косвенными путями перешли в руки этих людей. Книгопечатание так выгодно для этих людей, что для увеличения числа читателей, придумываются всевозможные средства: стихи, повести, скандалы, обличения, сплетни, полемики, подарки, премии, общества грамотности, распространение книг и школы для увеличения числа грамотных. Ни один труд не окупается так легко, как

литературный. Никакие проценты так не велики, как литературные. Число литературных работников увеличивается с каждым днем. Мелочность и ничтожество литературы увеличивается соразмерно увеличению ее органов. Но ежели число книг и журналов увеличивается, ежели литература так хорошо окупается, то, стало быть, она необходима, скажут мне наивные люди. Стало быть, откупа необходимы, что они хорошо окупались? — отвечу я. Успех литературы указывал бы на удовлетворение потребности народа только тогда, когда бы весь народ сочувствовал ей; но этого нет, так же как и не было при откупах. Литература, так же как и откупа, есть только искусная эксплуатация, выгодная только для ее участников и невыгодная для народа. Есть «Современник», есть «Современное слово», есть «Современная летопись», есть «Русское слово», «Русский мир», «Русский Вестник», есть «Время», есть «Наше время», есть «Журнал для детей», есть «Детский журнал», есть «Журнал для юношества» и есть «Юношеский журнал», есть «Орел», «Звездочка», «Гирлянда», есть «Грамотей», «Народное чтение» и «Чтение для народа», — есть известные слова в известных сочетаниях и перемещениях, как заглавия журналов и газет, и все эти журналы твердо верят, что они *приводят* какие-то мысли и направления. Есть сочинения Пушкина, Гоголя, Тургенева, Державина, Филарета. И все эти журналы и сочинения, несмотря на давность существования, неизвестны, не нужны для народа и не приносят ему никакой выгоды. Я говорил уже об опытах, деланных мною для привития нашей общественной литературы народу. Я убедился, в чем может убедиться каждый, что для того, чтобы человеку из русского народа полюбить чтение Бориса Годунова Пушкина, или историю Соловьева, надобно этому человеку перестать быть тем, чем он есть, т. е. человеком независимым, удовлетворяющим всем своим человеческим потребностям. Наша литература не прививается и не привьется народу, надеюсь — люди, знающие народ и литературу, не усумнятся в этом. Какое же благо получает народ от литературы? Библий и священных сих пор народ не имеет дешевых. Другие же книги, которые западают к нему, только обличают в его глазах глупость и ничтожество их составителей; деньги и работа его тратятся, а выгоды от книгопечатания, — вот уже сколько времени прошло, — мы не видим ни малейшей для народа. Ни пахать,

ни делать квас, ни плести лапти, ни рубить срубы, ни петь песни, ни даже молиться, — не учится и не научился народ из книг. Всякий добросовестный судья, не одержимый верою прогресса, признается, что выгод книгопечатания для народа не было. Невыгоды же его ощутительны для многих. Г. Даль, добросовестный наблюдатель, обнародовал свои наблюдения над влиянием грамотности на народ. Он объявил, что грамотность развращает людей из народа. На наблюдателя посыпались неистовые крики и ругательства всех верующих в прогресс; решили, что грамотность была вредна, когда она была исключением, и что вред ее уничтожится, когда она сделается общим правилом. Это предположение, может быть остроумное, но только предположение. Факт же остается фактом, который подтверждают мои собственные наблюдения и который подтвердят все люди, имеющие прямые сношения с народом, как-то: купцы, мещане, становые, попы и сами крестьяне. Но скажут, может быть, признавая мои доводы справедливыми, что прогресс книгопечатания, не принося прямой выгоды народу, содействует его благосостоянию тем, что смягчает нравы общества; что разрешение крепостного вопроса, например, есть только произведение прогресса книгопечатания. На это я отвечаю, что смягчение нравов общества еще нужно доказать, что я лично его не вижу и не считаю нужным верить на слово. Я не нахожу, например, чтобы отношения фабриканта к работнику были человечнее отношений помещика к крепостному. Но это мое личное воззрение, не могущее служить доказательством. Главное же, что я имею сказать против такого аргумента, есть то, что, взяв пример хотя освобождение от крепостного права, я не вижу чтобы книгопечатание содействовало его прогрессивному разрешению. Ежели бы правительство в этом деле не сказало своего решительного слова, то книгопечатание, без сомнения, разъяснило бы дело совершенно иначе. Мы видели, что большая часть органов требовала бы освобождения без земли и приводила бы доводы, столь же кажущиеся разумными, остроумными, саркастическими. Я желал бы спросить: почему процесс об освобождении крестьян остановился на Положении 19 Февраля, которое еще не решено — улучшило или ухудшило быт крестьян, лишив их прав пастбищ, выездов в леса и наложив на них новые обязанности, к исполнению которых они оказываются несостоятельными. Я желал

бы спросить: почему прогресс книгопечатания остановился на Положении 19 Февраля. Всем известно, что равномерное разделение земли между гражданами есть несомненное благо. Почему же никто, кроме людей признаваемых за сумасшедших, не говорит в печати о таком разделении земель? Тут в сущности ничего нет сумасшедшего, и прямое дело прогресса книгопечатания было бы разъяснять необходимость и выгоды такого разделения, а вместе с тем ни в России, ни в Англии, ни во всей Европе никто не печатает об этом. Причина такого явления для меня совершенно очевидна. Прогресс книгопечатания, как и прогресс электрических телеграфов, есть монополия известного класса общества, выгодная только для людей этого класса, которые под словом прогресс разумеют свою личную выгоду, вследствие того всегда противоречащую выгоде народа. Мне приятно читать журналы от праздности, я даже интересуюсь Оттоном, королем греческим. Мне приятно написать или издать статейку и получить за нее деньги и известность. Мне приятно получить по телеграфу известие о здоровье моей сестрицы и знать верно какой цены я должен ожидать за свою пшеницу. Как в том, так и в другом случае нет ничего предосудительного в удовольствиях, которые я при этом испытываю, и в желаниях, которые я имею, чтобы удобства к такого рода удовольствиям увеличивались; но совершенно несправедливо будет думать, что мои удовольствия совпадают с увеличением благосостояния всего человечества. Думать это так же несправедливо, как думать то, что думал откупщик или помещик, что получая без труда большие доходы, он осчастлививает человечество тем, что поощряет искусство и своею роскошью дает многим работу. Прошу читателя заметить, что Гомер, Сократ, Аристотель, немецкие сказки и песни, русский эпос, и наконец Библия и Евангелие, не нуждались в книгопечатании для того, чтобы остаться вечными.

Пар, железные дороги и столь восхваленные парохбды, паровозы и машины. Рассуждая об этом, самом близком для нас деле, я опять предъизвещаю читателя, что надо как можно искреннее отрешиться от верований и от политико-экономических парадоксов, принимаемых за истину, надо рассматривать только существующие, перед нами совершающиеся факты. Мы хотим решить вопрос: содействует ли развитие приложе-

ния пара к передвижению и к фабричному производству увеличению благосостояния народа. Мы не будем говорить о том, что может быть впоследствии, о результатах, которые выходят из такого приложения по противоположным одна другой теориям политической экономии, а мы будем рассматривать просто те выгоды, которые принес и приносит пар массе народа. — Я вижу близкого и хорошо известного мне тульского мужика, который не нуждается в быстрых переездах из Тулы в Москву, на Рейн, в Париж и обратно. Возможность таких переездов не прибавляет для него нисколько благосостояния. Всем потребностям своим он удовлетворяет собственным трудом и, начиная от пищи и до одежды, всё производится им самим: деньги для него не составляют богатства. Это до такой степени справедливо, что когда у него есть деньги, он зарывает их в землю и не находит нужным делать из них никакого употребления. Поэтому, если железные дороги делают для него более доступными предметы мануфактур и торговли, он остается совершенно равнодушным к этой большей доступности. Ему не нужны ни трико, ни атласы, ни часы, ни французское вино, ни сардинки. Всё, что ему нужно и что в его глазах составляет богатство и улучшение благосостояния, приобретается его трудом на его земле. Маколей говорит, что лучшим мерилom благосостояния рабочего народа есть степень заработной платы. Неужели мы, русские, до такой степени не хотим знать и не знаем положения своего народа, что повторим такое бессмысленное, и ложное для нас положение? Неужели не очевидно для каждого русского, что заработная плата для русского простолюдина есть случайность, роскошь, на которой ничего нельзя основывать? Весь народ, каждый русский человек без исключения, назовет несомненно богатым степного мужика с старыми одоньями хлеба на гумне, никогда не выдавшего в глаза заработной платы, и назовет несомненно бедным подмосковного мужика в ситцевой рубашке, получающего постоянно высокую заработную плату. Не только невозможно в России определять богатство степенью заработной платы, — но смело можно сказать, что в России появление заработной платы есть признак уменьшения богатства и благосостояния. Это правило мы, русские, изучающие свой народ, можем проверить по всей России, и потому, не рассуждая о богатстве всей Европы, можем и должны сказать, что для России, т. е. для

большей массы русского народа, высота заработной платы не только не служит мерилom благосостояния, но одно появление заработной платы показывает упадок народного богатства. Очевидно, что нам нужно искать других оснований, чем те, которые существуют в Европе; а между тем, европейская политическая экономия хочет предписывать нам свои законы. Для большей части русского населения деньги не составляют богатства, и удешевление предметов мануфактурной промышленности не увеличивает благосостояния. Вследствие этого железные дороги, не приносят большей массе населения никакой выгоды (прошу заметить, что я говорю о выгоде по понятиям самого народа, а не о тех выгодах, которые насильно хочет навязать прогресс цивилизации).

По понятиям русского народа увеличение благосостояния состоит в равномерном разделении земель, в увеличении сил почвы, в увеличении скотоводства, в увеличении количества хлеба, и вследствие того, в удешевлении его (прошу заметить, что ни один крестьянин не жалуется на дешевизну хлеба; только европейские политико-экономы утешают его тем, что хлеб будет дороже и потому ему легче будет покупать предметы мануфактуры, — он этого не желает), в увеличении рабочих сил (никогда мужик не жалуется на то, что у него в селе слишком много народа), в увеличении лесов и пастбищ, в отсутствии городских соблазнов. Какие же из этих благ приносят крестьянину железные дороги? Они увеличивают соблазны, они уничтожают леса, они отнимают работников, они поднимают цены хлеба, они уничтожают коннозаводство. Может быть я ошибся, говоря о причинах, по которым дух народа всегда недоброжелательно относится к нововведениям железных дорог. Может быть я упустил некоторые причины, но несомненный факт всегдaшнего противодействия народного духа к введению железных дорог существует во всей своей силе. Народ примиряется с ними только в той мере, в которой, испытав соблазн железных дорог, он сам делается участником этой эксплуатации. Настоящий народ, т. е. народ прямо, непосредственно работающий и живущий плодотворно, народ преимущественно земледелец, 9/10 всего народа, без которых бы немислим был никакой прогресс, всегда враждебно относится к ним. И так, верующие в прогресс, малая часть общества, говорят, что железные дороги есть увеличение благосо-

стояния народа, бо́льшая часть общества говорит, что это есть уменьшение его.

Такое противодействие прогрессу со стороны народа мы могли бы проверить и объяснить в каждом проявлении прогресса; но мы ограничимся приведенными примерами и постараемся ответить на естественно представляющийся вопрос: нужно ли верить этому противодействию народа? Вы говорите, скажут нам, что недовольны железными дорогами мужики-земледельцы, проводящие жизнь на полатях в курной избе, или за сохою, сами ковыряющие себе лапти и ткущие себе рубахи, никогда не читавшие ни одной книги, раз в две недели снимающие вшивую рубаху, по солнышку и по петухам узнающие время и не имеющие других потребностей, как лошадиная работа, спанье, еда и пьянство. «Это не люди, а животные, — скажут и подумают прогрессисты. И потому мы считаем себя в праве не обращать внимания на их мнение и делать для них то самое, что мы нашли хорошим для себя». Такое мнение, ежели и не высказанное, всегда лежит в основании рассуждений прогрессистов; но я полагаю, что эти люди, называемые дикими, и целые поколения этих диких, суть точно такие же люди и точно такое же человечество, как Пальмерстоны, Оттоны, Бонапарты. Я полагаю, что поколения работников носят в себе точно те же человеческие свойства, и в особенности свойства искать где лучше, как рыба где глубже, — как и поколения лордов, баронов, профессоров, банкиров и т. д. В этой мысли подтверждает и мое личное, без сомнения малозначущее убеждение, состоящее в том, что в поколениях работников лежит и больше силы, и больше сознания правды и добра, чем в поколениях баронов, банкиров и профессоров, и главное, подтверждает меня в этой мысли то простое наблюдение, что работник точно так же саркастически и умно обсуживает барина и смеется над ним за то, что он не знает — что соха, что сволока, что гречиха, что крупа; когда сеять овес, когда гречу; как узнать какой след; как узнать, телна ли корова или нет? и за то, что барин живет всю жизнь ничего не делая и т. п. Точно так же как обсуживает барин работника и подтрунивает над ним за то, что тот говорит тебе и себе, фитанец, плант и т. п. и за то, что он в праздник напивается как животное и не знает, как рассказать дорогу. То же наблюдение поражает меня, когда два человека, разой-

дась между собою, совершенно искренно называют друг друга дураками и подлецами. Еще более поражает меня это наблюдение в столкновениях восточных народов с Европейскими. Индийцы считают Англичан варварами и злодеями, — Англичане Индийцев; Японцы — Европейцев; Европейцы — Японцев; даже самые прогрессивные народы — Французы, считают Немцев тупоголовыми; Немцы считают Французов безмозглыми. Из всех этих наблюдений я вывожу то умозаключение, что ежели прогрессисты считают народ не имеющим права обсуждать своего благосостояния, а народ считает прогрессистов людьми озабоченными корыстными личными видами, то из этих противоположных воззрений нельзя вывести справедливости ни той, ни другой стороны. И потому я должен склониться на сторону народа, на том основании, что, 1-е, народа больше, чем общества, и что потому должно предположить, что большая доля правды на стороне народа; 2-е и главное — потому, что народ без общества прогрессистов мог бы жить и удовлетворять всем своим человеческим потребностям, как-то: трудиться, веселиться, любить, мыслить и творить художественные произведения. (Илиады, русские песни.) Прогрессисты же не могли бы существовать без народа.

Недавно мы прочли историю цивилизации Англии — Бокля. Книга эта имела великий успех в Европе (это очень естественно) — и огромный успех в литературном и ученом круге в России — и это для меня непонятно. Бокль анализирует законы цивилизации и весьма занимательно: но весь интерес этот потерян для меня и, кажется, для всех нас, русских, не имеющих никаких оснований предполагать: ни то, что мы, русские, должны необходимо подлежать тому же закону движения цивилизации, которому подлежат и Европейские народы; ни то, что движение вперед цивилизации есть благо. Для нас, русских, необходимо доказать прежде и то, и другое. Мы лично, например, считаем движение вперед цивилизации одним из величайших насильственных зол, которому подлежит известная часть человечества, и самое движение это не считаем неизбежным. Автор, так сильно восстающий против бездоказательных положений, сам не доказывает нам, почему весь интерес истории для него заключается в прогрессе цивилизации. Для нас же интерес этот заключается в прогрессе общего благосостояния. Прогресс же благосостояния, по нашим убе-

ждениям, не только не вытекает из прогресса цивилизации, но большей частью противоположен ей. Ежели есть люди, которые думают противное, то это должно быть доказано. Доказательств же этих мы не находим ни в непосредственном наблюдении явлений жизни, ни на страницах историков, философов и публицистов. Мы видим, напротив, что эти люди и г. Марков, в своих доводах против нас, признают без всякого основания вопрос о тождестве общего благосостояния и цивилизации решенным.

Мы сделали отступление весьма длинное и может быть показавшееся не ведущим к делу, только для того, чтобы сказать, что мы не верим в прогресс, увеличивающий благосостояние человечества, не имеем никаких оснований верить в него и ищем и искали в своей 1-й статье другого мерила того, что хорошо и что дурно, как только признания всего, что есть прогресс — хорошим и всего, что не есть прогресс — дурным. Разъяснив этот главный скрытый пункт нашего разногласия с г. Марковым, мы полагаем, с большинством так называемой образованной публики, что ответы на пункты статьи Русского Вестника нам становятся легки и просты.

1) Статья Русского Вестника признает право одного поколения вмешиваться в воспитание другого, на том основании, что это *естественно*, и что каждое поколение кидает свою горсть в кучу прогресса. Мы не признавали и не признаем этого права потому, что, не считая прогресс несомненным благом, ищем других оснований на такое право и полагаем, что нашли их. Если бы было доказано, что основания наши ложны, то мы всё-таки не могли бы признать достаточным основанием веру в прогресс, так же как и веру в Магомета или Далай-Ламу.

2) Статья Р. В. признает право высших классов вмешиваться в народное образование. Мы полагаем, что в предыдущих страницах достаточно разъяснено, почему вмешательство верующих в прогресс, в воспитание народа, несправедливо, но выгодно для высших классов, и почему их несправедливость кажется им правом, как казалось *правом* крепостное право.

3) Статья Р. В. думает, что школы не могут и не должны быть изъяты из под исторических условий. Мы думаем, что эти слова не имеют смысла, во 1-х потому, что изъять из под исторических условий нельзя ничего, ни на деле, ни даже в

мыслях. Во 2-х потому, что ежели открытие законов, на которых строилась и должна строиться школа, есть, по мнению Маркова, изъятие из под исторических условий, то мы полагаем, что наша мысль, открывшая известные законы, действует тоже в исторических условиях, но что нужно опровергнуть, или признать самую мысль, путем мысли для того, чтобы разъяснить ее, а не отвечать на нее тою истиною, что мы живем в исторических условиях.

4) Статья Р. В. думает, что современные школы ближе отвечают потребностям времени, чем средневековые. Мы сожалеем, что подали повод г. Маркову доказывать нам противное, и охотно сознаем, что, доказывая противное, подчинились общей привычке подводить исторические факты под преждепринятую мысль. Г. Марков сделал то же самое, может быть удачнее или многословнее нашего. Мы не хотим разбирать этого, откровенно сознаваясь в своей ошибке. На этом поприще можно наговорить так много, не убедив никого!...

5) Статья Русского Вестника считает наше воспитание не вредным, а полезным только потому, что наше воспитание готовит людей для прогресса, в который он верит. Мы же не верим в прогресс и потому продолжаем считать воспитание наше вредным.

6) Статья Русского Вестника думает, что полная свобода воспитания вредна и невозможна. Вредна потому, что нам нужны люди для прогресса, а не просто люди, и невозможна потому, что у нас есть готовые программы для воспитания людей прогресса, а нет программы для воспитания просто людей.

7) Автор думает, что устройство яснополянской школы противоречит убеждениям редактора. В этом, как в деле личном, мы согласны, тем более, что автор сам знает как сильно влияние исторических условий, и потому должен знать, что яснополянская школа подлежит действию двух сил — убеждению, совершенно крайнему, по мнению автора, и историческим условиям, т. е. воспитанию учителей, средствам и т. д. и несмотря на то, школа могла достигнуть только весьма малой степени свободы и, вследствие того, преимуществ перед другими школами. Что же бы было, еслиб убеждения эти не были крайни, как они кажутся автору? Автор говорит, что успех школы зависит от любви. Но любовь не случайна. Любовь может быть только при свободе. Во всех школах, основан-

ных с убеждениями Ясной Поляны, повторялось то же явление: — учитель влюблялся в свою школу; а я знаю, что тот же учитель, со всевозможной идеализацией, не мог бы влюбиться в школу, где сидят по лавкам, ходят по звонкам и селят по субботам.

И 8) наконец, — автор не согласен с яснополянским определением образования. Вот где мы обязаны высказать недосказанное. Мне кажется, что было бы гораздо справедливее со стороны автора, ежели бы, не входя в дальнейшее рассмотрение, он потрудился опровергнуть наше определение. Но он этого не сделал, он и не взглянул на него, назвал его натяжкой и дал свое определение — прогресс — и вследствие того учить сообразно потребностям времени. — Всё, что мы написали о прогрессе, написано только затем, чтобы вызвать людей на возражение. А то с нами не спорят, а говорят: зачем инстинкт, потребность равенства и весь этот набор слов, когда есть возрастающая куча?

Но мы не верим в прогресс и потому не можем удовольствоваться кучей. Ежели бы мы и верили, — мы сказали бы: хорошо, цель есть учить сообразно потребностям времени, бросать в кучу; мы бы согласились, что мать учит ребенка, намеренно стараясь передать знание, как говорит г. Марков. Но зачем? спросил бы я, и имел бы право ожидать ответа. Человек дышет. Но зачем? спрашиваю я. И мне не отвечают, что он дышет потому что дышет, а отвечают — для того, чтобы приобрести нужный кислород и выбросить ненужные газы. И опять я спрашиваю: зачем кислород? И физиолог видит смысл такого вопроса и отвечает на него: — затем, чтобы получить тепло. Зачем тепло? спрашиваю я. И тут он отвечает, или пытается ответить, и ищет, и знает, что чем решение такого вопроса общее, тем богаче оно будет выводами. Мы же спрашиваем: зачем один учит другого? Кажется, нет более близкого вопроса для педагога. И мы отвечаем, может быть неправильно, бездоказательно, но вопрос и ответ категоричны. Г. Марков (я не нападаю на Маркова, — всякий верующий в прогресс так же ответит) не только не отвечает на наш вопрос, но он не в состоянии видеть его. Для него нет этого вопроса, — это пустая натяжка, на которую, для забавы, он просит читателя обратить особенное внимание. А в этом вопросе и ответе лежит вся сущность того, что я говорил, писал и думал

о педагогике. И г. Марков, и публика, согласная с г. Марковым, умные, образованные, привыкшие рассуждать люди, — отчего вдруг такая непонятливость? *Прогресс*. — Сказано слово *прогресс*, — и бессмыслица кажется ясным, и ясное кажется бессмыслицею. Благодать прогресса я не признаю, пока мне не докажут ее, и потому, наблюдая явления образования, мне необходимо определение образования, и я вновь повторяю и разъясняю сказанное: *образование есть деятельность человека, имеющая своим основанием потребность к равенству и неизменный закон движения вперед образования*.

Как мы сказали уже, для изучения законов образования мы употребляем не метафизический метод, а метод выводов из наблюдений. Мы наблюдаем явления образования в самом общем смысле, включающем в себе и воспитание. В каждом явлении образования мы видим двух деятелей — образовывающего и образовывающегося, воспитателя и воспитанника. Для того, чтобы изучить явления образования, как мы его понимаем, найти его определение и критериум, нам необходимо изучить как ту, так и другую деятельность, и найти причину, совокупляющую эти две деятельности в одно явление, называемое образование или воспитание. Рассмотрим сначала деятельность образовывающегося и причины ее. Деятельность образовывающегося, как бы, где бы и чему бы он ни учился (даже если бы он один читал книги), всегда заключается только в том, чтобы усвоить себе образ, форму или содержание мысли того человека, или тех людей, которых он считает знающими больше себя. Как скоро он, по знанию, уравнивается с своими образователями, как скоро он не считает своих образователей выше себя по знанию, — так деятельность образования, со стороны образовывающегося, невольно прекращается, и никакие условия не могут заставить его продолжать ее. Один человек не может учиться у другого, когда тот человек, который учится, знает столько же, сколько и тот человек, который учит. Учитель арифметики, не знающий алгебры, невольно прекращает свое учение арифметики, как скоро ученик его вполне усвоил себе знание четырех арифметических правил. Кажется бесполезно доказывать, что как скоро знания учителя и ученика уравнились, так деятельность учения, воспитания в общем смысле образования, неминуемо прекращается между этими учеником и учителем, и начинается новая деятельность, состоящая

или в том, что тот же учитель открывает ученику новую перспективу знаний, усвоенных им, но неизвестных ученику, по той или по другой отрасли наук, и образование продолжается до тех только пор, пока ученик не уравнивается с учителем; или в том, что сравнявшись с учителем в знании арифметики, ученик бросает учителя и берет книгу, в которой учится алгебре. В этом случае книга, или автор книги, представляется новым учителем, и деятельность образования продолжается только до тех пор, пока ученик не уравнивается с книгой, или с автором книги. И опять деятельность образования прекращается немедленно при достижении равенства в знании. Истину эту, которая может быть проверена во всевозможных случаях образования, кажется бесполезно доказывать. Из этих наблюдений и соображений мы заключаем, что деятельность образования, рассматриваемая только со стороны образовывающегося, имеет своим основанием стремление образовывающегося к равенству в знании с образовывающим. Истина эта доказывается тем простым наблюдением, что как скоро равенство достигнуто, так немедленно и неминуемо прекращается самая деятельность, и еще другим, более простым наблюдением, что во всяком образовании заметно это достижение большей или меньшей степени равенства. Хорошее, или дурное образование всегда и везде, во всем роде человеческом, определяется только тем, медленно или скоро достигается равенство между учащим и учащимся: чем медленнее, тем хуже; — чем скорее, тем лучше. Истина эта так проста и очевидна, что доказывать ее нет надобности. Но необходимо доказать, почему эта простая истина никому не приходит в голову, никем не высказывается и встречает озлобленное противодействие, когда бывает высказана? Причины эти следующие: кроме главного основания всякого образования, вытекающего из самой сущности деятельности образования — стремления к равенству знания, — в гражданском обществе сложились другие причины, побуждающие к образованию. Эти причины кажутся столь настоятельными, что педагоги имеют в виду только их, упуская из виду главное основание. Рассматривая теперь только деятельность образовывающегося, мы найдем много кажущихся оснований к образованию, кроме того существенного которое мы высказали. Невозможность допустить эти основания, легко может быть доказана. Ложные, но ощутительные эти основания следующие:

первое и самое употребительное. — ребенок учится для того, чтобы не быть наказанным. Второе, — ребенок учится для того, чтобы быть награжденным. Третье, — ребенок учится для того, чтобы быть лучше других. Четвертое, — ребенок, или молодой человек учится для того, чтобы получить выгодное положение в свете. Эти основания, признаваемые всеми, могут быть подведены под три главные разряда: 1) учение на основании послушания, 2) учение на основании самолюбия и 3) учение на основании материальных выгод и честолюбия. И в самом деле, на основании этих трех разрядов строились и строятся различные педагогические школы. Протестантские — на послушании, католические иезуитские — на основании соревнования и самолюбия; наши российские — на основании материальных выгод, гражданских преимуществ и честолюбия.

Неосновательность этих побудительных причин очевидна. Во 1-х, в действительности, по общему недовольству всех на существующие на таких основаниях образовательные заведения. Во 2-х, по той причине, которую я высказывал десять раз, и буду высказывать до тех пор, пока мне на нее не ответят, что при таких основаниях (послушание, самолюбие и материальные выгоды) нет общего критерия педагогики, — и богословы, и естественники одновременно считают свои школы непогрешительными, и не свои школы — положительно вредными. В 3-х, наконец потому, что, принимая за основание деятельности образовывающегося: послушание, самолюбие и материальные выгоды, становится невозможным определение образования. Допустив, что равенство знания есть цель деятельности образовывающегося, я вижу, что с достижением цели прекращается самая деятельность; но допустив целью послушание, самолюбие и материальные выгоды, я вижу, напротив, что как бы послушен ни сделался образовывающийся, как бы ни превзошел он всех других своими достоинствами, каких бы он ни достиг материальных выгод и гражданских прав, — цель его нисколько не достигнута, и возможность деятельности образования не прекращается. Я вижу в действительности, что цель образования, допускающая такие ложные основания его, никогда не достигается, т. е. не приобретается равенство знаний, а приобретается, независимо от образования — привычка послушания, раздраженное самолюбие и ма-

териальные выгоды. Постановление этих ложных оснований образованию объясняет мне все ошибки педагогики и вытекающую из нее несоответственность результатов образования с присущими человеку требованиями от него.

Рассмотрим теперь деятельность образовывающего. Точно так же, как и в первом случае, наблюдая это явление в гражданском обществе, мы найдем много разнообразных причин этой деятельности. Причины эти можно подвести под следующие разряды: первое и главное — желание сделать людей такими, которые бы были для нас полезны (помещики, отдававшие дворовых в ученье и в музыканты; правительство, приготавлившее для себя офицеров, чиновников и инженеров). Второе — тоже послушание и материальные выгоды, которые заставляют ученика университета за известное вознаграждение учить детей по известной программе. Третье — самолюбие, побуждающее человека учить, чтобы выказать свое знание; и четвертое, — желание сделать других людей участниками в моих интересах, передать им свои убеждения, и этою целию передать им свои знания. Мне кажется, что под эти четыре разряда подходит вся деятельность образовывающего, от деятельности матери, учащей говорить своего ребенка, гувернера, за известную плату обучающего французскому языку, до профессора и писателя. Подводя под эти разряды то же мерило, которое мы прикладывали к основаниям деятельности образовывающегося, мы найдем: 1-е, что деятельность, имеющая своею целью приготовить полезных для себя людей, как бывшие помещики и правительство, не прекращается с достижением цели, следовательно, она не есть ее конечная цель. Правительство и помещики могли бы еще далее продолжить свою деятельность образовывания. Очень часто даже достижение цели полезности не имеет ничего общего с образованием, так что мерилom деятельности образовывающего я не могу признать полезность. 2-ое, ежели признать основанием деятельности учителя гимназии или гувернера — послушание тому, кто поручил ему образование, и материальные выгоды, которые он приобретает от этой деятельности, — я опять вижу, что с приобретением наибольшего количества материальных выгод, деятельность образовывания не прекращается. Напротив того, я вижу, что приобретение больших материальных выгод, платимых за образовывание, часто совершенно независимо

от степени даваемого образования. 3-е, ежели допустить, что самолюбие и желание выказать свое знание может служить целью образовывающаго, то я опять вижу, что достижение высшей похвалы за свои лекции, или за свою книгу, не прекращает деятельности образовывающаго, ибо похвала образователю может быть независима от степени приобретения знаний образовывающимися. Я вижу, напротив, что похвала может быть расточаема людьми не усвоющими себе образования. 4-е, рассматривая, наконец, эту последнюю цель образовывающаго, я вижу, что ежели деятельность образователя направлена на то, чтобы уравнивать с собою знания образовывающагося, то деятельность образователя тотчас же прекращается, как скоро он достигает своей цели. И в самом деле, прилагая это определение к действительности, я вижу, что все другие причины суть только внешние, жизненные явления, затемняющие основную цель всякаго образователя. Прямая цель учителя арифметики заключается только в том, чтобы ученик его усвоил себе все те законы математическаго мышления, которыми владеет он сам. Цель учителя французскаго языка, цель учителя химии и философии — одна и та же; и как скоро цель эта достигнута, так и прекращается деятельность. Только то учение везде и во всех веках считали хорошим, при котором ученик вполне сравнивался с учителем, — и чем более, тем лучше, чем менее — тем хуже. Точно то же явление замечаем в литературе, в этом посредственном способе образования. Только те книги считаем мы хорошими, в которых автор, или образователь, передает всё свое знание читателю, или образовывающемуся.

И так, наблюдая явления, как совокупную деятельность образовывающаго и образовывающагося, мы видим, что деятельность эта имеет своим основанием как в том, так и в другом случае одно и то же, — стремление человека к равенству знаний. В определении, сделанном нами в 1 №, мы высказали это, только не присовокупив, что мы под равенством разумели равенство знаний. Мы прибавили, однако, стремление к равенству и неизменный закон движения вперед образования. Г. Марков не понял ни того, ни другого, и очень удивился — к чему тут неизменный закон движения вперед образования. Закон движения вперед образования значит только то, что так как образование есть стремление людей к равенству знаний, то равенство это не может быть достигнуто на низшей,

а может быть достигнуто только на высшей ступени знания, по той простой причине, что ребенок может узнать то, что я знаю, а я не могу забыть того, что я знаю; — и еще потому, что мне может быть известен образ мыслей прошедших поколений, — а прошедшим поколениям не может быть известен мой образ мыслей. Это я называю — неизменный закон движения вперед образования. И так, на все пункты г. Маркова я отвечаю только следующее: во 1-х, доказывать нельзя тем, что всё идет к лучшему, — нужно прежде доказать, идет ли всё к лучшему, или нет; во 2-х, то, что образование есть только та деятельность человека, которая имеет основанием потребность человека к равенству и неизменный закон движения вперед образования. Я старался только вывести г. Маркова из плоскости бесполезных исторических рассуждений и объяснить то, чего он не понял.

Граф Лев Голстой.

ПРОГРЕСС И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ.

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ СТАТЬИ «ПРОГРЕСС И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ».

Статья «Прогресс и определение образования» была вызвана статьею Е. Л. Маркова: «Теория и практика яснополянской школы», помещенной в 5-й книжке журнала «Русский вестник» за 1862 г. Евгений Марков, впоследствии писатель и публицист, в начале 1860-х годов занимался педагогической деятельностью в качестве преподавателя Тульской мужской гимназии. Толстой нередко бывал в Туле у знакомой ему семьи Ауэрбахов,¹ и там же, на почве общих педагогических интересов, произошло и знакомство его с Марковым, который произвел на Толстого столь благоприятное впечатление, что он даже предложил Маркову принять участие в задуманном им педагогическом журнале. В своем Дневнике, в записи от 6 мая 1861 г. Толстой отметил: «Поехал в Тулу... Марков отказался от соредакторства в журнале. И вообще мысль журнала слабеет». Однако мысль эта не была им оставлена, и он продолжал искать нужных для издания сотрудников среди тульских преподавателей. 9 мая он снова записал в Дневнике: «Господа из гимназии. Я их пригласил в журнал»; а несколько дней спустя, 11 мая, он снова внес в дневник: «Поехал в Тулу. Договорился до того, что книжки научные невозможны».

Сам Марков писал впоследствии о своем знакомстве с Толстым в эпоху его оживленной педагогической деятельности: «Лев Николаевич очень интересовался нашими учебными опытами и часто бывал и в мужской, и в женской гимназии, близко познакомившись с главными руководителями их. Мы тоже, особенно же я лично, часто посещали графа в Ясной поляне и следили за изумительными успехами его лапотных школьников, среди которых иные бойкие мальчуганы, оторванные прямо от бороны или от стада овец, всего через несколько месяцев учения уже могли свободно писать довольно грамотные сочинения, которые, пропущенные слегка через художественную веялку славного романиста, печатались им в его замечательных прибавлениях к журналу «Ясная поляна». Этими, почти

¹ У Ауэрбахов было имение Горячкино в Тульской губернии, неподалеку от Ясной поляны; Юлия Федоровна Ауэрбах была начальницей женской гимназии в Туле.

невероятными результатами яснополянская школа была обязана исключительно обаятельному таланту преподавания и внутреннему жизненному огню Льва Николаевича, который непобедимо захватывал и поднимал с собою в высоту и ширь самый вялый ум, самое невпечатлительное сердце».¹

В середине мая 1862 года Толстой уехал в Самарские степи для лечения кумысом расстроенного здоровья. Во время его отсутствия, 6 июля явился в Ясную поляну отряд жандармов и полиции и произвел в усадьбе Толстого тщательный обыск, причем жандармы главным образом искали скрытый типографский станок и революционные прокламации, о которых сообщили им доносчики. Проживавшие в усадьбе гр. М. Н. Толстая и Т. А. Ергольская, перепуганные этим вторжением, послали нарочного к Маркову, чтобы сообщить о происшедшем. Марков немедленно приехал, успокоил дам и присутствовал при обыске, картину которого он впоследствии изобразил в указанной выше статье.

Уезжая из Ясной поляны, Толстой прислал Маркову записку, на которую последний ответил письмом от 15 июня: «Я получил вашу записку очень поздно, многоуважаемый Лев Николаевич, потому что судьба решила иначе, чем я желал. Доктор не позволил моей молодой жене ехать в деревню, и она, а следовательно и я, должны были остаться на всё лето в Туле. Вследствие чего мы живем теперь на даче в 12 верстах от города, в деревне Тихвинской Г-на Соковнина, вместе с Ауэрбахами. Ясная в 7 верстах, и вся дорога идет старым Киевским большаком, по преимуществу лесом. Надеюсь несколько раз побывать в вашей ферме zu Fuss [пешком] и другим способом; еще более мы надеемся на то, что вы скоро вернетесь жирным киргизом и будете посещать нашу скучающую компанию. Ждем очень и вас и ваших Бузулукских впечатлений и теорий башкирской педагогики, как вы это формально обещали нам перед богом и человечеством в гостиной у Ю[лии] Ф[едоровны].² Ваша IV книжка вышла худая-прехудая, но статьи все всем нам нравятся, не только ваша собственная, но и какого-то А. Э.,³ чуть ли не Erlenkönig'a⁴ из Бабурина... Статьи моей что-то не видать, так же как и майской книжки Рус. вестника».⁵

Толстой познакомился со статьей Маркова только после своего возвращения из Самары, в конце июля или начале августа 1862 года. Тогда же у него явилась мысль выступить в своем журнале с возражениями против Маркова, оспаривавшего в своей статье педагогические идеи Толстого и новые приемы и методы, применяемые им в Яснополянской школе. Статья Маркова произвела сильное впечатление и на учителей-студентов, работавших под руководством Толстого в соседних деревенских школах, и вызвала среди них большое недовольство. Об этом вспоминает один из этих студентов, Н. П. Петерсон, в статье: «Из записок бывшего учителя». «После возвращения Льва Николаевича из Самарских степей, приезжал, я помню, в Ясную поляну Е. Л. Марков, бывший тогда учителем Туль-

¹ Е. Л. Марков, «Живая душа в школе» — «Вестник Европы» 1900, февраль, тр. 582.

² Ауэрбах; о ней см. выше в прим. к стр. 575.

³ А. Э. — Альфонс Александрович Эрленвейн, студент московского университета, учитель народной школы в дер. Бабурино, в 4 верстах от Ясной поляны.

⁴ «Erlkönig, а не Erlenkönig» [«Лесной царь»] — баллада Гёте.

⁵ Не опубликовано; письмо хранится в АТБ.

ской гимназии. Марков приезжал в Ясную поляну вскоре после того, как вышла книжка «Русского вестника», с его статьей об Яснополянской школе и о журнале «Ясная поляна». В этой книжке Марков весьма критически отнесся к педагогическим идеям Льва Николаевича и этим всех нас возбудил против себя. Тем не менее Лев Николаевич принял его весьма любезно, и когда мы слишком яростно нападали на Маркова, в особенности после его отъезда, Лев Николаевич, не соглашаясь с Марковым, заявил однако, что Марков очень умен и что статья его — очень умная статья. Тем и были сдержаны наши нападки».¹

Другой сотрудник Толстого, названный выше Эрленвейн, почувствовав себя задетым некоторыми выражениями Маркова по адресу учителей-студентов, поместил в июньской книжке «Ясной поляны», разрешенной цензурой 1 сентября 1862 г., небольшую «Заметку по поводу статьи г. Маркова», подписанную анонимно: «Бывший студент 2-го курса, ныне сельский учитель». К этой заметке редакция от своего имени прибавила следующее примечание: «В одном из следующих номеров будет помещен ответ на статью Маркова. Настоящая заметка помещается в этом номере по желанию автора».

Однако ответ Толстого на статью Маркова сильно задержался, так как ему пришлось усиленно работать над сдачей ближайших книжек журнала, своевременный выход которых был задержан вследствие его отъезда в Самарскую губернию. Вернувшись оттуда и проведя некоторое время в Ясной поляне, Толстой, для удобства печатания журнала, поселился в Москве, где в это время развевался его роман с С. А. Берс, окончившийся его женитьбой 23 сентября 1862 г. Но эти обстоятельства личной жизни не мешали Толстому вести энергичную работу для журнала. 23 августа он записал в Дневнике: «Надо писать 2 статьи, о Маркове и о К[омитете] Г[рамотности] и Р[иле]». Эта работа отмечена и в ряде дальнейших записей. 24 августа: «Встал здоров с особенно светлой головой, писал хорошо, но содержание бедно». 25 августа: «Дома тоска. Писал статью». 27 августа: «Отличный 6-ой №. ² Статья Маркову складывается глубокая». Записями от 23 и 27 августа довольно точно определяется начало работы Толстого над статьей «Прогресс и определение образования». Другие же записи относятся, вероятно, к статье: «Об общественной деятельности на поприще народного образования», над которой он работал в Москве и которая вышла в свет одновременно со статьей «Воспитание и образование» и с цензурной пометой от 20 сентября 1862 г.

Повидимому, работа над «Прогрессом» была временно оставлена Толстым, и он вернулся к ней только после окончания работы над статьей: «Кому у кого учиться писать», написанной в Ясной поляне в октябре 1862 г. и одобренной цензурой 5 ноября. В сохранившейся рукописной копии статьи о «Прогрессе» встречается упоминание о низложении с престола греческого короля Оттона (24 окт. 1862 г.). Исходя из этих соображений, мы можем предположить, что Толстой снова приступил к работе над «Прогрессом» не раньше конца октября этого года, или даже позднее. Работа

¹ «Международный Толстовский альманах», составленный П. Сергеевко. М. 1909, стр. 259.

² Т. е. 6-й номер «Ясной поляны», со статьями учителей-студентов.

эта затянулась и она не была еще закончена 23 декабря, когда Толстые уехали в Москву, где они прожили более трех недель.¹ После возвращения в Ясную поляну, в середине января 1862 г. Толстой снова занялся своей статьей, которую он закончил только во второй половине февраля, судя по записи дневника от 23 февраля: «Отослал свою статью — хорошо, хотя и небрежно». ² Таким образом работа над статьей о «Прогрессе» затянулась, с перерывами, на 6 месяцев (от 23 августа 1862 по 23 февраля 1863 г.) и производилась в три приема: начало статьи до слов: «относительно философских вопросов». (стр. 331) писано в Москве, в конце августа 1862 г. (копия переписчика с поправками автора); продолжение, обнимающее большую часть статьи, начиная от слов: «Основная мысль прогресса...» кончая: «не могли бы существовать без народа». (стр. 346) писано в Ясной поляне, в промежутке между концом октября и второй половиной декабря 1862 г. (копия другого переписчика с поправками автора); а конец статьи, от слов: «Недавно мы прочли историю цивилизации...» написан рукою самого Толстого, после его возвращения из Москвы, в промежутке между 15 января и 23 февраля 1863 г.; рукопись этой части статьи сохранилась не вполне, и текст ее обрывается на словах: «потребность к равенству и неизменный...» (стр. 350).

Что касается вопроса о печатании статьи «Прогресс и определение образования», то в архиве Толстого сохранилось письмо студента Пооля, служившего, повидимому, корректором в типографии Каткова и принимавшего некоторое участие в редактировании и печатании журнала «Ясная поляна». 29 марта 1863 г. он писал Толстому: «Лев Николаевич, как я ни хлопотал, чтобы выпустить к пасхе 12-й № — ничего из этого не вышло... Цензор очень долго задержал прогресс и выкинул оттуда кое-что, и не знаю для чего объяснил мне, что только по его настоянию цензурный комитет разрешил к печатанию эту статью, а то было думали задержать ее, как написанную не в видах правительства. Вы просили как можно лучше заняться прогрессом в корректурах. После поправленной вами было еще три корректуры, но всё-таки в некоторых местах осталась бессмыслица, которая была и в оригинале, присланном вами. Я никак не мог добиться смысла, напр., в выражении: сказано, подумано слово прогресс, — и бессмыслица кажется ясным, а ясное кажется бессмыслицею. Теперь 12-й № выйдет не раньше будущей субботы, и вы получите его вместе с одиннадцатым». ³

Как видно из этого письма, статья Толстого вызвала недовольство московской цензуры, вследствие чего печатание ее замедлилось, так что последняя, декабрьская книжка «Ясной поляны» получила цензурное разрешение только 22 марта 1863 года. Многие места, по требованию цензуры, были выкинуты из журнального текста. Неизвестно, произошло ли исключение этих нецензурных мест из журнала с ведома самого автора, или же он узнал об этом только из письма, полученного им уже после окончания печатания 12-й книжки «Ясной поляны». Однако, все эти места,

¹ Т. А. Кузминская, «Моя жизнь дома и в Ясной поляне». Воспоминания. 1846 — 1862. М. 1927, стр. 151—160.

² Печатаем по подлиннику, хранящемуся в АТБ.

³ Не опубликовано; письмо хранится в АТБ.

выброшенные по требованию цензуры из печатного текста журнала, сохранились в рукописи, по которой производился набор этой статьи; все они включены нами, с соответствующей оговоркой, в рукописные варианты статьи (см. стр. 440). Сведения об этом деле, несомненно, должны были сохраниться в делах Московского цензурного комитета, однако, по наведенным справкам, в Гос. Архиве феодально-крепостной эпохи, к которому должны были перейти все цензурные дела, дел Московского цензурного комитета за 1862—1863 гг. до сих пор не обнаружено.

Статья «Прогресс и определение образования» была напечатана в последней, 12-й книжке журнала «Ясная поляна» (стр. 5—38), за подписью: «Граф Л. Н. Толстой», и с цензурным разрешением от 22 марта 1863 г. Год спустя она была перепечатана в издании Ф. Стелловского: «Сочинения графа Л. Н. Толстого», часть II. СПб., 1864, стр. 261—274. Текст ее в этом издании был напечатан по журнальному тексту «Ясной поляны», с некоторыми, впрочем незначительными, изменениями. Вторично статья была перепечатана в 3-м издании «Сочинений графа Л. Н. Толстого» (Москва, 1873 г.). Толстой был недоволен изданием Стелловского и поэтому решил сам заняться изданием своих сочинений. В эти годы (в 1872—1874 гг.) у него вновь возродился усиленный интерес к педагогическим вопросам и к учебному делу вообще, и в связи с этим он решил внести в новое издание своих сочинений большую часть своих педагогических статей из «Ясной поляны», в виде отдельного 4-го тома. Статьи эти, в том числе и статья о прогрессе, печатались по тексту «Ясной поляны», но в него были внесены и все изменения, вошедшие в текст издания Стелловского, а также и некоторые другие отмены, впрочем, преимущественно стилистического характера. Едва ли сам Толстой принимал непосредственное участие в редактировании этого тома: во всяком случае в нем не видно следов его поправок; напротив того, в тексте статьи о «Прогрессе» встречаются явные ошибки, грубо искажающие смысл данной фразы: так напр., *вместо: универсальные замыслы в издании 1873 г. напечатано: универсальные массы, вместо: мужика земледельца — мужика землевладельца, вместо: расположения — расположения, вместо: подлжит — принадлежит и т. д.*

Следующее, 4-е издание (1880 г.) печаталось с предыдущего, без всяких изменений, кроме случайных пропусков и опечаток. Наконец, 5-е издание (1886 г.) вышло в свет, когда сам Толстой отошел уже от непосредственного участия в издании своих сочинений, и это дело взяла на себя гр. Софья Андреевна, причем в чтении корректур ей помогал Н. Н. Страхов, получавший из Москвы корректурные гранки для исправления текста. Об этом участии Страхова в издании 1886 года есть сведения в его переписке с Толстым: так, напр., 21 июля 1886 г. он писал Толстому: «Начал выправлять 12-й том¹ и дня через два pošлю Графине первые листы. Дело пойдет скоро и непрерывно — я теперь вижу, и прошу Вас передать это Софье Андреевне. В Москве я просил Румянцева прислать мне 2, 3 и 12-й томы для выправки...» 2 ноября он писал ему же: «Софье Андреевне усердное почтение. Скажите, что я отправил продолжение

¹ Для отдельного издания, вышедшего раньше 5-го издания «Собрания сочинений», с особым титулом: «Прозведения последних годов». (Москва, 1886 г.)

«корректур по адресу в Москву, и скоро отправлю и конец». (ПС, стр. 334 и 340.)¹

В настоящем издании мы печатаем статью «Прогресс и определение образования» по изданию «Ясной поляны», со следующими исправлениями:

Во 1-х, мы устраняем и исправляем некоторые ошибки и пропуски, вкравшиеся в текст «Ясной поляны» и не замеченные самим автором напр.:

Стр. 326, строка 14 снизу: *вместо:* Илиада в «Ясной поляне»: Иллиада.

Стр. 331, строка 2 сверху: *вместо:* и понять в «Ясной поляне»: и не понять

Стр. 340, строка 6 сверху: *вместо:* необходимы потому, что в «Ясной Поляне»: необходимы, что

Стр. 341, строка 2 сверху: *вместо:* не учится в «Ясной поляне»: не учиться

Стр. 346, строка 5 сверху: *вместо:* индийцы в «Ясной поляне»: индйцы.

Во 2-х, мы восстанавливаем по рукописному подлиннику все поправки и изменения, внесенные в журнальный текст лицами, которым Толстой доверил дело печатания своих статей и чтение корректур. К числу таких лиц принадлежал и В. М. Попов, довольно широко пользовавшийся этим правом. На полях рукописи, с которой набирался текст «Ясной поляны», встречаются во многих местах знаки вопроса, поставленные им карандашом. Поправки, внесенные Поповым на листах рукописи (также карандашом) имеют различный характер. В одних случаях они вызваны желанием облегчить работу наборщика при чтении неразборчивого почерка переписчика, или развернуть многочисленные сокращения слов, встречающиеся в копии. В других же случаях Попов, внося свои поправки не только орфографического, но и лексикологического характера, руководился желанием «исправить» текст Толстого, согласно своему вкусу и пониманию. Помимо того, что он систематически зачеркивал характерное правописание Толстого в слове: «ежели» и заменял его более обычным — если, Попов внес в текст «Ясной поляны» и в корректурные гранки следующие отдельные поправки, которые мы устраняем из настоящего издания, на основании рукописных данных:

Стр. 333, строка 6 сн.: *вместо:* что сказать, в «Ясной поляне»: как сказать,

Стр. 334, строка 11 св. *вместо:* уведет в «Ясной поляне»: ведет

Стр. 334, строка 20 св. *вместо:* распложение в «Ясной поляне»: размножение

Стр. 334, строка 20 св. слова: бордели в «Ясной поляне»: нет.

Стр. 338, строка 6 сн. *вместо:* караула в «Ясной поляне»: надзора

Стр. 349, строка 4 св.: *вместо:* сидят по лавкам, в «Ясной поляне»: сидят на лавках,

¹ В АТБ сохранились и письма Страхова к С. А. Толстой, причем в письмах его от 21 августа и от 14 октября 1886 г. говорится об участии Страхова в чтении корректур для 5-го издания (1886 г.).

Стр. 447, строка 14 *сн. вместо:* князек *в корректуре Попова:* конек
Стр. 448, строка 10 *св. вместо:* деньгами, *в корректуре:* на деньги,
Стр. 449, строка 8 *св. вместо:* возбуждает нас *в корректуре:* возбуж-
дает в нас

Стр. 449, строка 22 *св. вместо:* 10 р. *в корректуре:* втрое

Стр. 449, строка 14 *сн. вместо:* пароходов *в корректуре:* пароходства

Стр. 450, строка 19 *св. вместо:* нечто *в корректуре:* разве

Только в одном случае мы сочли нужным оставить в тексте поправку Попова, в виду того, что она необходима для связи всей фразы; поправку эту мы включили в прямые скобки.

Стр. 446, строка 5 *сн.* Что-ж делать? [скажет], пожимая плечами...

Кроме того, в некоторых необходимых случаях мы восстанавливаем по рукописи слова, по недосмотру пропущенные в тексте «Ясной поляны».

Стр. 331, строка 4 сверху: *вместо:* определить этот критерий *в «Ясной поляне»:* определить критерий

Стр. 349, строка 10 сверху: *вместо:* он бы потрудился *в «Ясной поляне»:* он потрудился

Наконец, мы внесли в текст настоящего издания все сохранившиеся в корректурных гранках места, исключенные из печатного текста в силу цензурных условий того времени.

Стр. 337, строка 19 *сн. слова:* Правительство, *в «Я. п.» нет.*

Стр. 337, строка 10 *сн. слов:* чиновники-писцы *кончая:* пар, электричество *в «Я. п.» нет.*

Стр. 338, строка 4 *св. слова:* несправедливо *в «Я. п.» нет.*

Стр. 338, строка 6 *св. слов:* Все мысли *кончая:* эксплуатировать народ *в «Я. п.» нет.*

Стр. 338, строка 10 *св. слов:* или мысль в том, *кончая:* столько-то солдат *в «Я. п.» нет.*

Стр. 341, строка 6 *сн. слов:* Я желал бы спросить *кончая:* совершенно очевидна *в «Я. п.» нет.*

Стр. 342, строка 6 *сн. слов:* Рассуждая об этом *кончая:* благосостояния народа *в «Я. п.» нет.*

Стр. 344, строка 15 *сн. слов:* в равномерном распределении земель *в «Я. п.» нет.*

Стр. 344, строка 15 *св. слов:* они уничтожают коннозаводство *в «Я. п.» нет.*

Те же пропуски цензурного характера, от которых не сохранилось корректурных гранок, мы печатаем в отделе рукописных вариантов, означая их в соответствующих местах звездочкой.

Помимо всего указанного в текст настоящего издания введены некоторые отмены, сравнительно с текстом «Ясной поляны»; эти отмены вызваны или явными описками переписчиков, не замеченными автором и вошедшими в печатный текст статьи, или же требованиями логической или грамматической связи; отмены эти следующие:

Стр. 331, строка 2 сверху: *вместо слов:* поверять и понять *в «Ясной поляне», в изд. 1873 г. и след. годов:* поверять и не понять. *В рукописи этих слов вовсе нет. Печатаем по конъектуре посмертного издания 1911 г.*

Стр. 327, строка 4 снизу: *вместо слов:* мысль с быстротою молнии *в рукописи Б, в «Ясной поляне» и в изд. 1864 и 1873 гг.:* мысль с быстротою мысли — явная описка переписчика, не замеченная автором, вошедшая во все печатные издания его сочинений и впервые исправленная только в изд. 1914 г.

Стр. 342, строка 7 снизу: *вместо слов:* Пар, железные дороги, *в «Ясной поляне», в изд. 1873 г. и рукописи Б (копия переписчика):* Пар железной дороги, *Печатаем по конъектуре изд. 1886 г.*

Стр. 171, строка 8 сверху: *вместо слов:* из них *в «Ясной поляне», и в изд. 1873 г.:* из нее *В рукописи этих слов нет. Печатаем по изд. 1886 г.*

Стр. 172, строка 16 снизу: *вместо:* расточаема: *в «Ясной поляне» и изд. 1873 г.:* различаема *В рукописи этой фразы нет. Печатаем по изд. 1886 г.*

ПРИМЕЧАНИЯ.

Стр. 325, строка 3 сверху: Евгений Львович Марков (1835—1903), получил образование на естественно-историческом отделении Харьковского университета и готовился к магистерскому экзамену по избранной им специальности; но затем, под влиянием педагога И. Ф. Гаярина, директора Тульской мужской гимназии, сумевшего привлечь к педагогической работе ряд способных молодых людей и внести новые, живые начала в школьное дело, увлекся педагогикой и поступил в Тульскую гимназию в качестве преподавателя, а затем был назначен директором Симферопольской гимназии. Но при новом министре народного просвещения гр. Д. А. Толстом Марков оставил педагогическую службу и поселился в своем имении Курской губернии, где отдался общественной деятельности, в качестве председателя земской управы Щигровского уезда. Вместе с тем он много работал в литературе в качестве романиста, публициста и критика. Ему принадлежат романы: «Черноземные поля» и «У берега моря», автобиографические очерки: «Барчуки» и «Учебные годы барчука»; путевые записки: «Очерки Крыма», «Очерки Кавказа», «Путешествие на Восток»; критические этюды о Тургеневе, Некрасове, Островском и др. писателях. Сборник статей Маркова издан в двух томах: том I: «Публицистика и критика»; том II: «Путешествия и педагогия» (СПб., 1877); во 2-м томе помещена его статья: «Теория и практика яснополянской школы» (стр. 337—389). О своем знакомстве с Толстым Марков писал в 1900 г. в своей статье «Живая душа в школе»: «Мне посчастливилось вести знакомство с Львом Николаевичем в самый мужественный расцвет его колоссального таланта, видеть его в его ежедневном быту, и учителем, и пасечником, и охотником, и семьянином, и художником. Я слушал его мастерское чтение еще в рукописях и «Казаков» и «1805 год», послуживших основой «Войны и мира»; я проводил с ним чудные вечера на тяге вальдшнепов; охотился с ним на волков и зайцев; наслаждался его своеобразными опытами старинной классической музыки. Я был свидетелем и первых дней семейной жизни Льва Николаевича... Могу сказать, что годы моего знакомства с ним были одними из плодотворнейших лет моей жизни: я никогда, ни прежде, ни после, не встречал человека, который бы был способен так могуче зажигать

в другом человеке внутренний пламень его духа. От духовного соприкосновения с ним точно влетали в меня, в самую глубь души моей, какие-то невидимые электрические искры, порождавшие во мне целые потоки мыслей, намерений, решений...»¹ О дружеских отношениях Маркова с Толстым и его семьей свидетельствует, между прочим, и то, что именно к нему обратились за помощью сестра и тетка Толстого, когда в его отсутствие, в июле 1862 г. в Ясной поляне был произведен жандармами и полицией подробный обыск, при котором, по анонимному доносу, искали типографский станок и прокламации; некоторые сведения об этом обыске сообщает Марков в вышеприведенной статье.² В АТБ сохранились два письма Маркова к Толстому — от 15 июня 1862 г. и от 11 апреля 1866 г.

Стр. 329, строка 14 снизу: Схоластики — представители средне-вековой философии (IX—XV вв.), основанной на формально-логическом методе мышления и стремившейся сочетать древне-греческую философию Платона и Аристотеля с христианскими догматами и учениями богословов.

Стр. 329, строка 6 снизу: Лютер неоднократно упоминается в педагогических статьях Толстого. Это объясняется тем, что Лютер был не только религиозным реформатором, но и оказал большое влияние на умственную жизнь Германии, как писатель и государственный деятель. Его считают одним из основателей немецкого литературного языка (перевод Библии) и немецкой народной школы. Толстой, во время своего второго заграничного путешествия, будучи в Германии, повидимому, ближе познакомился и заинтересовался Лютером и его деятельностью. 1 августа 1860 г. (н. с.) он кратко отметил в Дневнике: «Лютер велик». Через день, 3 августа такая же запись: «Лютер реформатор в религии — к источникам». В яснополянской библиотеке сохранилась книга Мейера о жизни Лютера (M. Meurer, *Luthers Leben für christliche Leser aus den Quellen erzählt*. Dresden, 1850), с отметками Толстого. Возможно, что этой именно книгой пользовался Толстой при исправлении статьи Е. А. Берс о Лютере, помещенной в сентябрьской книжке «Ясной поляны» 1862 г. В АТБ сохранилась рукопись этой статьи, заключающая в себе довольно значительные поправки и дополнения, внесенные рукою Толстого.

Стр. 329, строка 20 сверху: «Версальский склад жизни». Версаль — дворец короля Людовика XIV, построенный в 1661—1672 гг. и отличавшийся своим богатством и пышностью; такую же пышностью был окружен и двор короля Людовика XIV, который послужил образцом для других европейских дворов того времени; за ними тянулась и окружающая их аристократия и богатое дворянство.

Стр. 329, строка 16 снизу: Карл Моор — главное действующее лицо юношеской трагедии Шиллера «Разбойники» (1781), проникнутой революционным настроением, в котором отразились идеи Руссо о свободе и равенстве. Карл Моор — юноша, натура смелая и благородная, но страстная и увлекающаяся. Оскорбленный в своих чувствах и надеждах, благодаря коварству и обману своего младшего брата, он решает уйти из

¹ «Вестник Европы», 1900, февраль, стр. 582—583.

² Там же, стр. 583.

современного гражданского общества, в котором господствует зло, неправда и угнетение, и становится атаманом разбойников, для того чтобы отомстить этому жестокому и развратному обществу, — и погибает в этой трагической и неравной борьбе. По собственному признанию Толстого, «Разбойники» Шиллера относятся к числу произведений, оказавших на него в юности «очень большое» влияние (Б. I, стр. 141). Но и впоследствии, в статье «Что такое искусство» (1897—1898 гг.) Толстой в числе немногих названных им произведений «истинного» искусства указал и «Разбойников» Шиллера.

Стр. 331, строка 12 снизу: Trivium, quadrivium — средневековое деление наук, установленное ученым, писателем и государственным деятелем Кассиодором (480—565) при остготском короле Теодорихе. Trivium («три пути») обнимало три искусства («artes»): грамматику, ретику и диалектику; quadrivium («четыре пути») обнимало четыре «науки» («scientiae reales»): арифметику, геометрию, музыку и астрономию. Эти «пути» знания считались необходимыми прежде всего для обучения клириков (священников), так как в средние века все науки носили богословский характер.

Стр. 335, строка 12 снизу: Томас-Баддингтон Маколей (1800—1859) — английский писатель и государственный деятель. Принадлежал к либеральной партии вигов и был одним из наиболее видных ее ораторов. Наиболее крупный научный труд Маколей: «The History of England from the accession of James II» (1848—1859); он имеется в Яснополянской библиотеке Толстого. В своей статье Толстой имеет в виду третью главу I-го тома «Истории Англии», где Маколей подробно говорит о прогрессе английской жизни, сравнительно с эпохой Стюартов (1685 г.). В записи Дневника от 3 марта 1858 г. Толстой пишет: «Прочел 1-й том Маколей, Он Bur., ..» — 27—30 апреля: «Читал эти дни Маколей и газеты».

Стр. 335, строка 7 снизу: Томас-Роберт Мальтус (1766—1834) — английский экономист. Наиболее прославился как автор «Опыта о народонаселении» («Essay of the principle of Population», 1798 г.), в котором доказывал, что народонаселение имеет тенденцию возрастать в геометрической прогрессии, а средства к существованию могут увеличиваться только в арифметической прогрессии, так что население размножается значительно быстрее, чем средства к существованию. Отсюда Мальтус делает вывод, что чрезмерное размножение населения неизбежно вызывает в стране голод, бедность и разные пороки, а эти явления, в свою очередь, должны до известной степени ослабить быстроту роста населения. Теория Мальтуса вызвала резкую критику Карла Маркса, который видел главную причину нищеты и разврата в несправедливости социальных условий. Толстой также выступал против взглядов Мальтуса в статье: «Так что же нам делать?»

Стр. 347, строка 19 снизу: Генри-Томас Бокль (1821—1862) — английский историк, автор книги: «History of civilisation of England» (1858—1861). Бокль поставил себе целью изучить общие законы развития человеческого рода и внести новые научные методы в разработку истории. В русском переводе она впервые была напечатана (в отрывках) в «Отечественных записках» 1860—1862 гг. В полном виде, со всеми примечаниями,

она появилась в 1862 г.: Бокль, «История цивилизации в Англии». Том I—II. Перевод А. Н. Буйницкого и Ф. Н. Ненарокова. (Цена. разр. СПб., 5 апреля 1862 г.). Толстой читал книгу Бокля именно в этом переводе, не сохранившемся однако в библиотеке Ясной поляны. Несколько позднее, в 1863 г. книга Бокля была напечатана в переводе К. Н. Бестужева-Рюмина, в издании Н. Тиблена (также со всеми примечаниями). Вообще имя Бокля пользовалось большой популярностью в кругу русской интеллигенции 1860—1880 годов, а его книга имела большое распространение среди радикальной молодежи того времени.

Стр. 342, строка 16 сверху: Оттон I — сын короля Людовика I Баварского. В 1832 г. был избран, по желанию европейских держав, королем греческим, но не сумел приобрести никакой популярности среди населения. В октябре 1862 г. группа недовольных офицеров провозгласила его низложенным с престола, и он принужден был на английском корабле уехать из Греции.

Стр. 345, строка 15 снизу: Лорд Генри-Джон-Темпл Пальмерстон (1784—1865) — английский государственный деятель, занимавший много лет пост министра иностранных дел и премьер-министра. В области иностранной политики Пальмерстон постоянно поддерживал Турцию и враждебно относился к России; большую роль сыграл он для дипломатической подготовки коалиции держав, направленной против России и приведшей к войне; поэтому в начале кампании у нас по рукам ходили патристические стишки, в которых «воевода Пальмерстон — поражает Русь на карте — указательным перстом». Во время своего второго заграничного путешествия Толстой почти целый месяц (февраль — март 1861 г.) прожил в Лондоне и между прочим побывал в парламенте и слышал там, как члены оппозиции громили министерство, а министр-президент Пальмерстон сидел, покрывшись шляпой, а потом в трехчасовой речи отвечал на все пункты противника. Значительно позднее, в августе 1875 г., Толстой, в письме к Фету также вспоминает о своем посещении английского парламента и о слушанных им речах, от которых ему «скучно и ничтожно было».

Стр. 341, строка 5 сверху: Владимир Иванович Даль (1801—1872) — лексикограф и писатель. В качестве военного врача Далу приходилось много путешествовать по России, благодаря чему он собрал громадный материал для изучения русского языка и речи, который он использовал впоследствии в своих ценных трудах: «Толковый словарь живого великорусского языка» (1861—1868) и «Пословицы русского народа» (1862). Кроме того под именем Казака Луганского Даль написал много бытовых рассказов и очерков, в которые вошли собранные им этнографические материалы из народной жизни. Белинский высоко ценил эти писания Даля. Вообще, Даль считался большим знатоком народного быта, и сам он относился к простому народу с большим сочувствием, хотя и несколько не идеализировал его. В 1856 г. он написал в славянофильской «Русской беседе» статью: «Письмо к издателю А. И. Кошелеву», в которой критически отнесся к возникшему в это время в интеллигентных кругах вопросу о необходимости развития грамотности среди крестьян и усмотрел в этом деле лишь одно либеральное увлечение. «Некоторые из образователей

наших ввели в обычай кричать и вопить о грамоте для народа и требовать наперед всего, во что бы то ни стало, одного этого; указывая на грамотность других, просвещенных народов, они без умолку приговаривают: просвещение, просвещение. Но разве *просвещение* и *грамотность* одно и то же? Грамотность только *средство*, которое можно употреблять и на пользу просвещения, и на противное тому — на затемнение. Можно просветить человека в значительной степени без грамоты, и может он с грамотой оставаться самым непросвещенным невеждой, да сверх того и негодяем... Грамотность, сама по себе, ничему не вразумит крестьянина: она скорее собьет его с толку. Перо легче сохи; вкусивший без толку грамоты норовит в указчики, а не в рабочие, норовит в ходоки, мироеды, а не в пахари; он склоняется не к труду, а к туеядству». ¹ Критическое отношение Даля к вопросу народной грамотности вызвало против него резкие нападки в печати; так, напр., в «Современнике», наиболее распространенном и влиятельном журнале того времени, была напечатана полемическая статья Е. П. Карновича: «Нужно ли распространение грамотности в русском народе?» («Современник» 1857, № 10), на которую Даль возражал в «С.Петербургских ведомостях» (1857, № 245); на эти возражения Даля Карнович отвечал в еще более резкой форме в 12-й книге «Современника» 1857 г. К этим нападкам на Даля примкнули и другие журналисты либерального направления, и таким образом возникла целая полемика, о которой и упоминает Толстой в своей статье.

Стр. 442, строка 12 сл. Педагогический журнал «Воспитание» издавался в 1860—1863 гг. педагогом А. А. Чумиковым. В 12-й книжке этого журнала за 1862 г. была напечатана за подписью: «Э — г — м — т», статья: «Педагогические парадоксы», в которой анонимный рецензент подвергает резкой критике статью Толстого «Воспитание и образование» и вообще все его педагогические взгляды. Рецензент особенно нападает на отрицательное отношение Толстого к современной европейской педагогике, на его «легкомысленные отзывы о науке и ее представителях» и иронически называет его «педагогом-реформатором», «яснополянским мыслителем», «незрелым нововводителем, желающим переделать всё по своему», действующим «подобно малым детям, ломающим игрушки единственно с целью посмотреть, что выйдет из этой ломки», «сектатором, нашептывающим оболъстительные речи» и оказывающим пагубное влияние «на колеблющиеся слои нашего общества, которые с радостью прислушиваются к разрушительным ударам яснополянской лжепедагогике». «Расписание уроков, дисциплина в классе, методы обучения, нравственное воспитание и т. д. — всё это пустые, ни к чему не ведущие выдумки немцев, говорит он, — бросьте их. И люди без убеждений, люди не любящие серьезного труда (всё это они показали в воскресных школах) с радостью спешат под знамена Ясной поляны». «Вот куда парадоксомания увлекла уже не ясную, а сильно помраченную Поляну».

Стр. 445, строка 10 сл. Вильгельм Генрих Риль (Riehl, 1823—1897) — писатель, публицист и этнограф, профессор государственного права и истории Мюнхенского университета. Главный труд Рилья — четырехтом-

¹ «Русская беседа», 1856, III, смесь, стр. 1—16.

ное исследование: «Naturgeschichte des Volkes, als Grundlage einer deutschen Sozialpolitik» («Естественная история народа, как основа немецкой социальной политики». 1853—1869). Первый том его под заглавием: «Land und Leute» («Земля и люди») изображает общие характеристические черты разных местностей Германии, картины географических и этнографических условий народной жизни. Эта книга сразу создала Рилью широкую известность в немецком обществе и вместе с тем привлекла к себе внимание в некоторых кругах русской интеллигенции. Русский экономист В. П. Безобразов посвятил книге Рилья большую и сочувственную статью в «Русском вестнике» 1857 г. под заглавием «Материалы для физиологии общества». Он следующим образом характеризует Рилья и его сочинение: «Это живой *материал народной жизни*, изученный труженически, в самых сокровенных его частях, не в книгах, а на самой природе, не только с терпением германского ученого, но и со всем жаром, со всею чуткостью любви к народу. И на этом пути изучения того, что есть и чего нет в народе, в этой нелицемерной любви к нему, Риль по необходимости сталкивается со всеми струями политических воззрений; можно сказать, что он всем этим воззрениям, самым противоположным и самым крайним, одинаково близок и от всех одинаково далек. Доказательство этому служит чрезвычайная популярность, которую пользуется сочинение Рилья в Германии, во всех без изъятия общественных кругах, во всех без изъятия партиях... Во всем сочинении — совершенное отсутствие строгой теории и системы. В своем содержании оно развивается без всякого предназначенного плана, беспрестанно увлекаясь то в ту, то в другую сторону, то по тому, то по другому изгибу народной жизни и мысли...»¹ Сам Риль в первом издании своей книги характеризует свой взгляд на нее следующим образом: «При естественно-историческом исследовании наших общественных обстоятельств, я не отправлялся ни от какой наперед поставленной политической точки зрения. Только из всех собственных моих наблюдений возник тот общественно-политический консерватизм, который сделался твердою опорой для всей моей практической жизни. Сперва я был странником-пешеходом и уже потом сделался писателем. Если есть что-нибудь нового и оригинального в моем понимании общественной и государственной жизни, то я обязан этим только указанному обстоятельству».

Две первые главы книги Рилья: «Feld und Wald» («Поле и лес») и «Wege und Stege» («Дороги и тропинки») посвящены деревне и деревенскому населению, в котором лучше сохранились, по мнению автора, органические черты национального характера, и в котором больше физических и моральных сил, чем у городских жителей. В третьей же главе: «Stadt und Land» Риль характеризует противоположность города и деревни; согласно его взглядам, город, городские классы населения представляют собою элементы общественного движения, изменения, прогресса, в то время как деревня, земледельческое население является консервативным, охранительным элементом общества, создающим устойчивость всей национальной жизни. Рост городской жизни, в особенности

¹ «Русский вестник», 1857, декабрь, стр. 643—720.

при развитии новых способов сообщения (шоссе, железные дороги, пароходы), порождающих усиление централизации, приводит к гегемонии больших городов, которые придадут всей жизни страны космополитический характер. Поэтому Риль относится к большим городам весьма отрицательно, — так напр., Париж он называет «вечно гноящимся нарывом Франции». Он считает современную общественную жизнь ложной и искусственной, приводящей всю нацию к разложению и вырождению; поэтому, по его мнению, современное общество нуждается в пересоздании и освежении, а это возможно только на почве тех органических начал, которые еще сохранились в жизни и быте (Sitte) простого, земледельческого народа. — Толстой познакомился со взглядами Риля, вероятно, из указанной выше статьи В. П. Безобразова и из первого «Исторического письма» С. М. Соловьева («Русский вестник» 1858, март, кн. 1), посвященного критике Риля. Вообще, в конце 1850-х годов Рилем заинтересовались и в России, в особенности в кругу славянофилов, находивших в своеобразном народничестве Риля отголосок своих собственных взглядов; с сочувствием писали о нем, как о своем единомышленнике, Хомяков, Аксаков и Самарин в «Русской беседе». Толстой получал в Ясной поляне как славянофильскую «Русскую беседу», так и либеральный «Русский вестник»,¹ и из статей этих журналов мог получить представление о Риле и о его писаниях. С сочинениями же самого Риля Толстой познакомился, повидимому, только во время своего второго заграничного путешествия, в 1860—1861 гг., в Германии, где он входил в соприкосновение с некоторыми немецкими писателями (Юлий Фрёбель, Бертольд Ауэрбах), с которыми и беседовал о современной жизни и литературе; по мнению П. И. Бирюкова, именно Фрёбель и натолкнул Толстого на ближайшее знакомство с сочинениями Риля.² О Риле и о его книгах Толстой упоминает в Дневнике в ряде записей, причем отзывы его носят двойственный характер: так, в записи от 3 августа 1860 г. Толстой очень высоко оценивает Риля как реформатора в области политики, сопоставляя его с Лютером — реформатором в религии и Бэконом — реформатором в естествознании; но в той же записи, несколько ниже он пишет о нем: «Риль — болтун. Искусство не может ничего дать, когда сознательно». Повидимому Риль всё-таки настолько интересовал Толстого, что он продолжал чтение его произведений, судя по записям его Дневника: 4 августа: «Риля читал и Герцена...» 6 августа: «Читал Риля Kulturgeschichte.³ Каламбур ученый преобладает. Он забывает Искусство. Volkskunde⁴ состоит из множества отдельных наук. А искусство помощник, но самостоятельный. Риль же не художник и хочет сделать из своей Volkskunde мешанину искусства и науки». 7 августа: «Немного успел почитать Риля о календарях. Он прав: о органическом значении народных старых календарей и вообще народной из народа литературы». 24 августа: «Читал Риля. Консерватизм невозможен. Нужны более общие идеи, чем идеи организмов государства—

¹ Разрозненные томы этих журналов за 1856—1859 гг. сохранились в Яснополянской библиотеке.

² Б. I, стр. 369.

³ [История культуры.] Толстой однако не совсем точно цитирует заглавие книги Риля: «Kulturstudien aus drei Jahrhunderten» (1859).

⁴ [Народоведение]

идеи поэзии, и ее не уловишь; в Америке и в образующейся новой Европе». Кроме этих отмеченных нами записей Дневника, мы находим также и в записной книжке Толстого следующую заметку, относящуюся к Рилью: «24 августа 1860. В Америке распалось семейство, дом, говорит Риль. Да почему семейство, дом, есть единственно-возможная социальная единица? Так складываются новые. Какие? Бог знает. И мы на пути. Ворочаться или идти вперед? Сзади известное, но прожитое. Впереди неизвестное, но новое. — Связи семьи, дома и общины были обаяния, т. е. люди охотно жертвовали собой для семьи, дома, общины (Риль), но законы, основанные на обычаях, доказали бы, что лица уже не хотят жертвовать, а хотят пользоваться правами, поэтому-то законы невозможны». Наконец уже после своего возвращения в Россию Толстой, после беседы с И. С. Аксаковым, упоминает о Риле в записи от 15—27 апреля 1861 г.: «Аксаков умен как Риль». В яснополянской библиотеке Толстого сохранился только 3-й том «Естественной истории народа» — «Die Familie» («Семья», 1858 г.).

Стр. 451, строка 8 сл. «Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» было издано вместе с манифестом Александра II 19 февраля 1861 г. об освобождении крестьян. В начале мая 1861 г. Толстой был назначен мировым посредником Крапивенского уезда, и ему пришлось самому вводить в действие это «Положение» и разъяснять крестьянам их права и обязанности, в связи с вопросом о размежевании их земельных угодий с помещиками. 6 мая он отмечает в Дневнике: «Завтра с утра Поликушка и читать положение». 7 мая: «С мужиками почитал положение». 9 мая: «Совещание с мужиками».

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ СТАТЬИ «ПРОГРЕСС И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ».

К статье «Прогресс и определение образования» относятся три рукописи, из коих одна — автограф Толстого, а две другие представляют собою копии, сделанные рукою переписчиков, с небольшими поправками и дополнениями автора; кроме того к этим рукописям относятся и несколько корректурных гранок, с которых печатался текст статьи в журнале «Ясная поляна».

1) Рукопись А — копия, писанная рукою А. П. Сердобольского, которым написана также большая часть статьи «Об общественной деятельности на поприще народного образования» (см. стр. 565). Всего в рукописи 7 листов писчей бумаги in F° (3 двойных листа и 1 ординарный); бумага серая, плохого качества, с клеем Тальской фабрики. Почерк довольно крупный, разборчивый и красивый. Текст писан на обеих сторонах листа. С правой внешней стороны листа оставлены довольно большие поля (ок. $\frac{1}{3}$ страницы). Пагинация (от 1 до 7) — с верхней стороны полей. На некоторых листах имеются небольшие поправки, сделанные рукою автора, а на полях поставлены отметки (карандашом — повидимому, В. М. Поповым) с знаком вопроса. На последнем листе рукописи, после слов (рукою переписчика): «на которых строится исторический взгляд» на обороте страницы (л. 7 об.) автор занес, очевидно

для памяти, несколько фраз, не связанных непосредственно с предыдущим текстом:

Мы сказали: потребность одного учить, а другого учиться имѣть своимъ основаніемъ вложенную въ человѣка потребность къ равенству. Г-нъ Марковъ говоритъ: потребность образовываться имѣть своимъ основаніемъ потребность къ образованію — прогрессъ.

Не въ одномъ этомъ случаѣ разногласія, но въ миллионѣхъ случаевъ, споровъ, столкновений слово прогрессъ играетъ въ наше время и въ нашемъ обществѣ эту странную, ничѣмъ не объяснимую роль Божества, вѣрованія, уничтожающаго своимъ появленіемъ всѣ вопросы, сомнѣнія, домогательства. Прогрессъ — и все сказано, все ясно. —

Заглавие: «Прогрессъ (ответъ Г-ну Маркову) Р. В.» внесено в копию самимъ авторомъ. *Начало*: «Главные пункты разногласія г. Маркова», с него начинается печатный текст статьи Толстого; пропуски и изменения, сделанные авторомъ в печатномъ тексте, сравнительно с рукописью, указаны выше (см. стр. 580). *Конецъ*: строится историческій взглядъ.

2) Рукопись *Б* — копия, писанная, вероятно, однимъ изъ учителей Яснополянской школы. Всего в рукописи 36 листовъ писчей бумаги, разныхъ фабрикъ: 1) белая, довольно плотная бумага фабрики Новикова; 2) бумага менее плотная, фабрики Райнера; 3) такая же, но безъ клейма. Почеркъ очень крупный, размашистый, но довольно разборчивый, хотя переписчикъ для некоторыхъ буквъ употреблялъ необычные очертанія. Между строками текста значительные промежутки. Чернила рыжеватые. С правой внешней стороны листа оставлены небольшие поля. Пагинация листовъ идетъ с правой стороны полей, от 1 до 36, причемъ после л. 24 следующие по порядку лл. 25—26 были изъяты и перенесены на конецъ текста, вследствие чего изменилась и вся дальнейшая пагинация рукописи. *Начало*: Г. Марковъ говоритъ: *конецъ*: существовать безъ народа. —

На некоторыхъ листахъ встречаются небольшие поправки и дополненія, сделанные рукой Толстого (чернилами и карандашомъ); кроме того на поляхъ имеются карандашные отметки с знакомъ вопроса. Вообще, общий видъ копии производитъ впечатленіе, будто переписчикъ очень торопился в своей работѣ: в текстѣ встречаются описки и пропуски, а многие слова вовсе не дописаны; эти описки и пропуски переписчика, а также и его орфографическіе ошибки исправлены карандашомъ, повидимому, Поповымъ.

Последніе листы рукописи (лл. 35—36) сильно помяты; нижняя часть л. 35 небрежно оторвана, вследствие чего текстъ значительно пострадал; кроме того на этомъ же листѣ Толстой написалъ крупными буквами поперекъ текста нѣсколько строкъ:

Почему несчастная Индія..... то оставилъ памятникъ.....
[нѣсколько словъ оторваны] и исторія

Пропущенные слова относятся къ фразѣ, часть которой вырвана. На оборотѣ же л. 36, на поляхъ и внизу текста, Толстой написалъ нѣсколько фразъ,

им же затем зачеркнутых; первое слово этой фразы замазано чернилами и потому читается предположительно.

Прогрессъ дуренъ но онъ не удержимъ. Зачѣмъ намъ бѣжать за нимъ, зачѣмъ намъ думать по пути экономистовъ, что это вернется и придетъ. Прогрессъ законенъ и пойдетъ. Выработываются средства, а намъ не надо упускать цѣли. Зачѣмъ эта школа...

Копия рукописи *В* вошла в печатный текст статьи «Ясной поляны», с поправками, сделанными, повидимому, В. М. Поповым, и устранившимися в настоящем издании (см. выше, стр. 580—581).

В копии имеются, во многих местах, как отдельные фразы, так и целые абзацы и даже страницы, не вошедшие в печатный текст «Ясной поляны». В некоторых случаях, несомненно, эти места были исключены из печатного текста по требованию цензуры (см. выше письмо Пооля от 29 марта 1863 г.) и мы их вносим непосредственно в текст настоящего издания. В других случаях эти места, по тем или другим соображениям, не были внесены в журнальный текст самим автором; в настоящем издании мы включаем их в отдел рукописных вариантов (см. стр. 440—454).

3) Рукопись *В*, автограф Толстого, занимает три листа писчей бумаги, из них—двойной лист (2 полных листа F^o) + 1 полулист, согнутый пополам. Двойной лист написан на сероватой довольно плотной бумаге фабрики Никифорова-Новикова; с обоих боков бумага помята. Текст писан на обеих сторонах листа; в нем встречаются помарки и поправки, сделанные рукою автора. Вместо полей с левой стороны листа оставлены небольшие отступы. В начале текста почерк довольно мелкий и сжатый; дальше он становится более крупным и размашистым. *Начало*: «Недавно мы прочли исторію цивилизации...»; *конец*: «...имеющая своимъ основаніемъ потребность равенства». В середине первой страницы текста, после слов: «только какъ вѣрованіе» карандашом поставлена пометка (крестик), относящаяся к вставке, внесенной автором на полулисте писчей бумаги, сложенной пополам; текст вставки занимает только первую страницу, *от слов*: «И поэтому не удовлетворяемся» *кончая словами*: «ищу основанія общечеловѣческаго воспитанія».

Рукопись вложена в двойной лист сероватой писчей бумаги, сильно измятой и пожухлой от времени. На обложке старательным почерком вписано: «№ XXIV. Отрывки 1856 года»; ниже, в середине страницы, крупнее: «0.66». Эти отметки внесены, вероятно, кем-то из яснополянских переписчиков Толстого при составлении списка его рукописей; такие отметки встречаются неоднократно: см. напр., «Отрывок фантастического рассказа» (том 5, стр. 315). В верху обложки, рукою Толстого, очень выцветшими зелеными чернилами написано:

⟨Я поѣхалъ въ Правленъ⟩

Старосты стояли вмѣстѣ, Старшина въ сторонѣ постороннимъ лицомъ. Я попросилъ ихъ сѣсть, говоря что обсуждать намъ придется долго. Одинъ изъ старостъ

Судя по содержанию, этот отрывок относится, вероятно, ко времени деятельности Толстого в качестве мирового посредника в 1861—1862 гг., когда ему постоянно приходилось беседовать с крестьянами.

Словами: основанием потребность к равенству *кончается текст ркп. В (л. 2 об.); продолжение его среди рукописей Толстовского архива не сохранилось.*

4) Корректирные гранки, с которых набирался текст статьи Толстого для журнала «Ясная поляна». Всего сохранилось 12 гранок (№№ 5, 5-bis — 19, 16—19). Большая часть поправок (на гранках №№ 5—10) сделаны корректором, но на гранках №№ 9—11, 16—19 есть несколько небольших поправок, вписанных на полях рукою Толстого. Кроме того к гранке № 5 bis имеется второй экземпляр корректуры, на который внесены исправления с 1-го экземпляра, сделанные корректором; на этом 2-м экземпляре (№ 5 bis) Толстой начал вносить новые изменения в текст статьи и некоторые вставки на полях корректуры; но эти изменения, очевидно, его не удовлетворили, и он сперва зачеркнул по частям отдельные абзацы, а затем перечеркнул целиком весь текст этой гранки.

Начало гранки № 5: «Г. Марковъ говорить»; *конец гранки № 11:* «число грамотныхъ. Не одинъ». *Начало гранки № 16:* «сахаръ. Но новыя потребности»; *конец гранки № 19:* «народъ не хочет его». Значительная часть этих гранок не вошла в печатный текст «Ясной поляны»; все эти пропущенные по цензурным и другим соображениям места первоначального текста мы вносим в рукописные варианты статьи Толстого (см. стр. 441).

Все перечисленные рукописи и корректирные гранки хранятся в АТБ (Папка XIV).

СОДЕРЖАНИЕ.

Предисловие к восьмому тому	Стр. VII
Редакционные пояснения	X

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СТАТЬИ К ЖУРНАЛУ «ЯСНАЯ ПОЛЯНА».

К публике	3
О народном образовании	4
О значении описания школ и народных книг	26
Ясно-полянская школа за ноябрь и декабрь месяцы	
Статья 1-я	29
Статья 2-я	76
Статья 3-я	110
О методах обучения грамоте	126
О свободном возникновении и развитии школ в народе	147
Проект общего плана устройства народных училищ	178
Воспитание и образование	211
Об общественной деятельности на поприще народного образования.	247
Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят	301
Прогресс и определение образования	325
Редакционные заметки и примечания к журналу «Ясная поляна» и к книжкам «Ясной поляны»	356
[Предисловие к истории Матвея].	362
[Прошение Л. Н. Толстого министру народного просвещения о раз- решении издания журнала «Ясная поляна»].	367
Об издании нового журнала	370
О прекращении издания педагогического журнала «Ясная поляна».	373

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ.

* Педагогические заметки и материалы	377
* [О задачах педагогики].	382
* [Проект устава учебных заведений]	386
* Сельской учитель	392
* [Заметки об английских учебных книгах для школ].	395
* * * [Письмо к неизвестному о немецких школах]	399

	Стр.
* Вступление	402
* О значении народного образования	405
* [Варианты статьи «О народном образовании»].	406
* [По поводу передовой статьи «Ясной поляны»].	418
* [Варианты первой статьи: «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы»].	420
* [Варианты второй статьи: «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы»].	421
* [Варианты статьи: «О методах обучения грамоте»].	423
* [Варианты статьи: «Об общественной деятельности на поприще народного образования»].	425
* [Ответ критикам].	426
* [О языке народных книжек].	427
[Варианты статьи: «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас, или нам у крестьянских ребят»].	432
* [О прогрессе и образовании].	436
[Варианты статьи: «Прогресс определение образования»].	440
* П р и л о ж е н и е: Дневник Ясно-полянской школы	455

КОММЕНТАРИИ.

Н. М. Мендельсон и В. Ф. Саводник

Педагогическая деятельность Толстого и журнал «Ясная поляна»	489
--	-----

Н. М. Мендельсон

К публике	521
О народном образовании	522
О значении описаний школ и народных книг	530
Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы	
Статья первая	533
Статья вторая	537
Статья третья	544
О методах обучения грамоте	547
О свободном возникновении и развитии школ в народе	549
Проект общего плана устройства народных училищ	551
Воспитание и образование	555
Об общественной деятельности на поприще народного образования	564

В. Ф. Саводник

Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас, или нам у крестьянских ребят?	572
Прогресс и определение образования	575

	Стр.
Н. М. Мендельсон	
Редакционные заметки и примечания к журналу «Ясная поляна» и в приложении к книжкам «Ясной поляны»	593
[Предисловие к истории Матвея] :	597
В. Ф. Саводник	
Прошение министру народного просвещения и программа журнала «Ясная поляна»	599
Н. М. Мендельсон	
Об издании нового журнала	601
О прекращении журнала «Ясная поляна»	602
В. Ф. Саводник	
Педагогические заметки и материалы	603
О задачах педагогики	604
Замечания на проект устава низших учебных заведений	605
Сельской учитель	608
Заметки об английских учебных книгах	609
Письмо к неизвестному о немецких школах	611
Вступление	613
Н. М. Мендельсон	
О значении народного образования	614
В. Ф. Саводник	
По поводу передовой статьи «Ясной поляны»	616
Ответ критикам	617
О языке народных книжек	618
О прогрессе и образовании	619
Дневник Ясно-полянской школы	622
Н. М. Мендельсон	
Указатель содержания статей «Ясной поляны»	626
В. Ф. Саводник	
Указатель содержания книжек «Ясной поляны»	630
Указатель собственных имен	635

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

- Фототипия с фотографии: Толстой в 1860 г. I. Gêruzet Bruxelles. — между IV и V стр. стр.
- Фототипия с картины (масло) работы В. П. Батурина: Дом, в котором помещалась 1-я яснополянская школа Толстого — между XII и 1 стр. стр.